

ЯСЯ БЕЛАЯ

Его
МАРИОНЕТКА

Яся Белая

Его марионетка

«Литнет»

2022

Белая Я.

Его марионетка / Я. Белая — «Литнет», 2022

Когда-то он написал для меня прекрасную мелодию и сыграл её вместе со мной на белом рояле в мой день рождения. С того дня я мечтала о нём долгих девять лет, и вот, наконец, мы вместе. Только... у меня нет права голоса. Я его игрушка. Его кукла. Его марионетка... Но чем дальше, тем сложнее понять – кто в кого играет?.._____ От автора: «Бумеранг» всем гадам обязателен, как и исцеление от больной любви. Логичный ХЭ.

© Белая Я., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Увертюра	5
Интерлюдия первая	10
ЭКСПОЗИЦИЯ/ – 1 –	11
– 2 –	18
– 3 –	22
– 4 –	27
– 5 –	32
– 6 –	36
– 7 –	41
– 8 –	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Увертюра

... *вспышка*...

Скулы сводит от улыбок.

Актовый зал головного офиса холдинга полон гостей. Презентация нового товара прошла успешно – теперь можно расслабиться и поболтать, выпить вина, угоститься канapé или бутербродами. Потанцевать под медленную красивую мелодию.

Всё идеально и безупречно.

Я мила с приглашёнными, поддерживаю светскую беседу, сверкаю бриллиантами.

Красива, благополучна, избалованна. Так думают все, кто хотя бы немного знает моего мужа, – я ловлю завистливые взгляды. Эта зависть смешна мне. Они оценивают витрину. Рассматривают безупречную куклу, которую выставили напоказ. Они не знают, что за этим... За улыбками и лоском. Они не видят воющей пустоты – я научилась прятать её. Мне нельзя, я не имею права прогневить хозяина. Того, кто дёргает за ниточки, чтобы я плясала так, как ему надо. Выдавала заданные эмоции. Ему нет дела до моих реальных.

А ведь когда-то всё было по-другому. Девять лет назад, когда я безумно влюбилась в него – идеального и безупречного...

Беру бокал, отхожу на террасу – пока *он* занят разговорами с важными людьми, у меня есть немного времени на одиночество и размышления. На отдых от фальшивых улыбок.

Делаю глоток, опираюсь на парапет, ловлю обрывки аккордов... Когда-то мы с *ним* играли эту мелодию в четыре руки, перемигивались и смеялись... Тогда я ещё верила, что имею значение для него.

Он был моим богом – страшно взрослый в свои двадцать три для тринадцатилетней меня. Невозможно красивый. С удивительными фиалково-синими глазами. Я утонула в них с первого взгляда. Влюбилась сразу – до потных ладоней, до тахикардии... Всегда одетый с иголочки, элегантный и холодновато-строгий, он завораживал меня тонким юмором, познаниями, совершенным английским и тем, как волшебным образом играл Рахманинова. Я не очень разбиралась, что у них с отцом творилось, и кто они друг другу – враги? партнёры? Я была заморожена своим объектом. Для меня было важно, лишь то, что он не женат – жену его я бы не перенесла... Я бы её убила. И его тоже. Никому нельзя, кроме меня.

Приближается...

Его лёгкие шаги, шлейф дурманящего аромата – терпко-свеже-горьковатой туалетной воды, табака и дорогого алкоголя, – твердые ладони с тонкими длинными пальцами ложатся на мои обнажённые плечи... Поцелуй в шею...

– Лар... – его имя срывается с губ с лёгким стоном. Всегда со стоном. Моё тело, как идеально настроенный инструмент, реагирует на малейшее прикосновение этого мужчины. Моего мужа. Моего хозяина.

Вообще-то его зовут Илларион, но «Лар» выстывать проще.

Он позволяет.

– Сегодня прохладно, – говорит мужчина, и низкий бархатный голос будто кутает, завораживает, уносит. Манит. Иллюзия, обман. Но я позволяю себе забыться и упиваться её сладостью. – Простудишься, – снимает пиджак, набрасывает на меня. Для меня это почти пальто – слишком велика разница в росте и ширине плеч... Пиджак повисает на мне. Забота приятна, я прикрываю глаза и преступно верю в происходящее...

Он рушит очарование одной фразой:

– Иди в мой кабинет. Я скоро подойду.

Тумблер перещёлкивается.

Всё.

Понаслаждалась и хватит.

Знаю, что нельзя, но пытаюсь возразить:

– Лар, я не...

– Феня, давай не будем. Не сегодня.

Словно озвучивает мои «не». Я хотела сказать то же самое, но в другом контексте.

Наблюдаю за тем, как он высокий лоб пересекает морщина. Как хмурятся брови. Как прикрываются глаза, пряча за длинными пушистыми ресницами невероятную радужку.

– Хорошо, – отвечаю покорно. Снимаю пиджак и передаю ему.

«Сегодня» для меня нет. Никогда нет. Я не имею на него права.

В кабинет с террасы есть другой вход.

Иду длинными опустевшими коридорами. Завтра они наполнятся жизнью, суетой, звуками. А пока – негромким эхом вторят кантате, что выстукивают мои шпильки. Я бы хотела их снять и идти босиком – я вообще не большой любитель каблучков. Но *он* так любит: туфли-лодочки на шпильке и чулки – его фетиш.

Войдя в кабинет, включаю нижнюю подсветку и тихую музыку. Наверное, надо достать вино из серванта – но я никак не угадаю настроение Лара. Поэтому, позволю ему выбирать...

Впрочем, разве когда-то выбирала я?

Наряды? Выпивку? Позу в сексе?

У меня нет права на выбор.

Напряжённо жду, считаю минуты, но натягиваюсь струной, когда он входит в кабинет.

Окидывает нечитаемым взглядом.

– Разве так следует встречать своего господина? – сейчас голос полон холода и яда. Тот заботливый Лар, нежно целовавший в шею, остался за дверью.

– Простите, – лепечу.

Наедине – на «вы», всегда на «вы», а ещё лучше добавить: «Мой господин».

Встаю, шагаю к нему, пытаюсь угадать по глазам – что меня ждёт?

Но он, как всегда, безупречен – ни единой эмоции.

– На колени!

И я ломаюсь, падаю на пушистый ковёр к его брендовым туфлям.

Он протягивает руку, касается волос, чуть натягивает их, массирует, а потом отщелкивает заколки. И непослушная волна кудрей сыплется на мои обнажённые плечи...

Платье, что сейчас на мне, тоже выбирал он. Оно больше открывает, чем скрывает. И теперь он накажет меня за это. Ведь другие мужчины глазели на принадлежащее только ему.

– Вытяни руки.

Повинуюсь.

Мои тонкие запястья взмывают вверх. Жест получается, будто умоляющий.

Одной ладонью он перехватывает их, другой – тянет узел дорогого шелкового галстука.

Того самого, что перед выходом я столь старательно завязала сама...

Прохладная ткань скользит по коже, стягивая, обездвиживая...

Это будоражит.

Возможно, сегодня мне будет очень хорошо. Впрочем, мне почти всегда хорошо. Иного он не допускает. Хотя... если и допустил, я бы не смогла возразить... Ведь у меня нет права голоса. Я его игрушка. Его кукла. Его марионетка...

... *тьма*...

... *вспышка*...

– Лар, куда мы едем? – в панике кричу я и тереблю заблокированную дверь.

– В лес, – холодно отвечает он.

На меня не смотрит – сосредоточен на дороге. Сегодня его ладони затянuty в чёрные перчатки. Когда он надевает их – быть беде. Все используют перчатки, чтобы не оставлять отпечатков. Лар не исключение.

И это пугает до икоты.

Мало мне происшествий последних дней – похищение, толпа отморозков, глумящаяся надо мной, его ледяные слова: «Она не важна! Делайте, что хотите», пустынные коридоры, холодный подвал... А потом – мешок на голове, связанные руки.

И вот я в машине, а Илларион – за рулём. Мне бы радоваться, но мы едем за город, а погода сейчас не для прогулок. Вторая половина ноября, первые заморозки по утрам, а днём – пронизывающая сырость и морось.

– Лар, – выдавливаю улыбку: он злится, потому, что я выдаю не ту эмоцию, утешаю себя, – пошутили и хватит. Поехали домой.

– Я не шучу, – обрывает резко, стирает мою жалкую улыбку, – мы едем в лес.

– Но з-зачем? – бросаю взгляд на чеканный профиль. Такой вполне достоин, чтобы украшать монеты.

Я ведь люблю его. Он не может не знать. И временами верю, что он меня тоже... Лар умеет создавать иллюзию...

Господи, ведь меня похитили, когда я шла по торговому центру, гордо неся в сумочке бесценную длинную белую штучку с красными полосками. Купила прямо в одной из аптек молла, не утерпела, попробовала в тамошнем туалете... И вот! Ура! Те уроды забрали мою сумочку и кинули её в громадный шредер. Меня собирались следом... Брр...

– В лесу легче прятать, – прилетает безэмоциональный ответ.

Меня снова не достаивают и взгляда. Губы сжаты, скулы напряжены и обострились...

Что ты творишь, Лар?

– Прятать, – повторяю на автомате, – что прятать?

Цепенею от жуткой догадки.

Нет. Не может быть.

Он не делает такое...

Но моё знание этого мужчины снова подводит меня.

– Следы преступления, тело... – бросает Лар.

Будто само собой разумеющееся.

– Лар, это бред... Ты не можешь поступить так со мной. Я ведь твоя жена!

– Ты же знаешь, – чеканит он, – это лишь на бумаге. Просто печати в паспортах. Важен только договор. Повтори его главный пункт?

Меня трясёт, я не верю в происходящее, что это говорит мужчина, который лишь несколько ночей назад шептал мне после страсти: «Ты пульсируешь в моей крови»...

Дразнил, значит? Врал?

Так беспощадно врал.

Впрочем, когда он меня щадил?

– Феодосия! – рявкает. – Я слушаю. Первый пункт!

– Лар... пожалуйста... – игнорирую приказ, касаюсь его руки... – если я тебе надоела, – это слово прожигает дыру у меня в груди, – можно же развестись... Просто отпусти меня тогда...

– Нет, – обрывает мои излияния. – Ты непослушная, не можешь выполнить простейших действий – повторить пункт договора! От тебя одни проблемы! Они пришли с тобой в мою жизнь. И решить их можно, лишь уничтожив источник.

Холодно, без эмоций, как о таракане.

Всхлипываю, обнимаю себя руками.

Господи, за что? За что? Я ведь всегда делала то, что он требовал. Я была послушной. Жила им, дышала, перечёркивая себя.

Прощала холодность, вечные недосказанности. Приняла его пристрастия в постели.

Так почему? Когда, в какой момент я что-то сделала не так?

Тем временем мы сворачиваем в лес, немного проезжаем по просёлку. Ноябрьский лес гол и не очень хочет скрывать преступления. Мягкий ковёр листы при других обстоятельствах вызывал бы мой восторг. Как и чистый, пахнущий грибами и озоном, воздух.

Но сейчас, когда мужчина распахивает дверь с моей стороны, я шарахаюсь вглубь. Сколько позволяет ремень безопасности.

– Вылезай, – командует Лар и даже галантно протягивает руку, будто мы приехали на приём.

Мотаю головой, глотаю слёзы.

– Нет, Лар, нет...

– Не заставляй меня применять силу. Ты знаешь – это не моё.

Он прав. Никогда не принуждал, не насиловал. Наоборот, умело обращал своё желание в моё. С ним – всегда обжигающее, яркое, нестерпимое. Вёл по тропе страсти до пика, пока я не взрывалась и не терялась в ослепительном удовольствии... Сама потом льнула и шептала: «Вы великолепны, мой господин»... Ловила лучезарный взгляд.

А теперь...

Мужчина хватается за ремень безопасности. Но тот будто специально заедает, не отдаёт меня ему. Тогда он с корнем выдирает место крепления. Вытаскивает меня, ставит на землю.

– Без глупостей, идём...

И тащит меня за собой вверх, по заваленному листвой склону.

Я вся дрожу – на мне лишь тонкое платье. Всё изодранное. В нём меня и поймали в торговом центре. И легкие туфельки-балетки. Я всегда так одевалась за покупками. Мне ведь и надо было перебраться из тёплого салона авто в тёплое нутро мега-молла.

Лар в пальто поверх джемпера из тонкой шерсти. И в прежние времена он бы завернул меня в свою одежду. Всегда так боялся, что я простужусь...

А сейчас...

Ну да – меня же в расход, не жалко.

Оступаю, зацепившись за корень, лечу, сбиваю колени, стёсываю ладони...

Лар поднимает меня за талию – он зол и разочарован.

– Ходить разучилась?

– Лар... – хватаюсь за ворот пальто, сжимаю лацканы, утыкаюсь в грудь мужа и рыдаю. На мгновение мне кажется, что ладони, лежащие на моей спине, вздрагивают. Но с этим мужчиной я слишком привыкла принимать желаемое за действительное.

Он мгновенно справляется с собой – если вообще было с чем справляться? И, вскинув лицо, я натыкаюсь на ледяной взгляд нереальных фиалково-синих глаз.

– Проревелась? – спрашивает хрипло, прокашливается и снова хватается за руку...

Теперь мы спускаемся...

Уходим всё дальше и дальше от машины, от дороги, от возможности убежать...

Тишина оглушает, пугает, нервирует...

Каждая хрустящая под ногой ветка заставляет вздрагивать...

Наконец, мы оказываемся на небольшой поляне. Отхожу к дереву, прижимаюсь к стволу, будто ища поддержки.

Зуб на зуб не попадает. Я продрогла до кости.

Лар достаёт пистолет и наворачивает глушитель.

Спокойно, хладнокровно, будто делает это каждый день...

Полгода – ничтожный срок, чтобы узнать человека. Тем более, если ты по уши запутался в любви-ненависти к нему. Когда готов умереть за него, а через мгновение – желаешь смерти. Впрочем, я и предыдущие девять лет не знала его. Только образ – насквозь романтизированный – придуманный юной девчонкой.

Но...

Надо сказать ему. Сейчас. Другого шанса не будет – потому что холодный глаз дула уже обращается в мою сторону...

Давай, Феня. Это шанс! Всё остановится. Всё будет по-другому...

– Лар, я... – голос еле хрипит, в горле ком, говорить тяжело... Я беспомощно выкидываю вперёд руку, мотаю головой... – Лар... услышь! – выходит жалко, моляще. – Я бере...

– Заткнись! – обрывает он. – Замолкни! Хоть сейчас...

Давлюсь слезами.

Нет...

Это сон, страшный сон...

Нужно зажмуриться, а когда открою глаза – буду на мягкой постели в нашей спальне...

Но ответом мне...

... почти неслышный и в тоже время оглушительный...

...раздаётся выстрел...

... *тьма*...

Интерлюдия первая

Вы когда-нибудь видели их – марионеток? Как ловко они прыгают, извиваются, танцуют. Марионетки послушны. У них нет своей воли, своих желаний. Ими управляет Кукловод. Это он решает, когда им веселиться, а когда умирать. Когда выходить на сцену и плясать в огнях рампы, а когда отправится в ящик и замереть там обычными тряпочками...

Да, марионетки действительно так похожи на людей. На нас с вами. Такие же разные и безликие одновременно. Часто мы ждём своей участи. Не стремимся обрести свободу, перегрызть нитку и убежать... Нам так комфортнее и проще. Когда кто-то дёргает за ниточки, а мы лишь послушно выполняем его повеления. Зато он решает за нас всё – обеспечивает крышей над головой (и пусть это лишь старый сундук), даёт работу (и пусть это лишь прыжки и ужимки на потеху публике).

Но иногда... Нечасто... Кукла открывает глаза. И тогда она начинает видеть их. Нити, которые тянутся к самому кукловоду, и руку, что дёргает за них.

Значит, и им кто-то управляет, думает кукла. Стало быть, он тоже чья-то марионетка? Так как же разобрать в этом бесконечном спектакле под названием Жизнь кто в кого играет? Кто кукловод, а кто – марионетка?

Есть только один способ – написать свой сценарий и самому взять в руки нити судьбы.

В тебя играли? Теперь ты сыграешь в них. И заставишь дослушать её до конца – симфонию твоего отчания...

ЭКСПОЗИЦИЯ/ – 1 –

*Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
 Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
 И под солнцем, и под выюгой, под белеющим буруном,
 И когда пылает запад и когда горит восток.*

*Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервётся пенье,
 И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть, —
 Тотчас бешеные волки в кровожадном исступлении
 В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.*

*Ты поймёшь тогда, как злобно насмеялось всё, что пело,
 В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
 И тоскливый смертный холод обовьёт, как тканью, тело,
 И невеста зарыдает, и задумается друг.*

Николай ГУМИЛЕВ

«Волшебная скрипка»

– 1 –

За девять лет до событий пролога

– Мамуль, как я выгляжу?

Кручусь перед зеркалом. Нравится, как юбка моего наряда идёт красивыми волнами при каждом движении. Платье почти взрослое, шёлковое. И я чувствую себя реально старше. Ведь мне сегодня исполнилось тринадцать. Значит, с этого года на фортепианных конкурсах я уже буду выступать в категории «Юниоры», а не «Дети».

Мама целует меня в макушку, поправляет тугие локоны – она впервые сегодня разрешила мне накрутиться на настоящие бигуди!

– Ты чудесно выглядишь, Феёныш. – Обнимает за плечи, разворачивает к зеркалу. – Смотри, какая взрослая. Скоро тебя будут за мою подругу принимать!

Мама у меня красавица. Выглядит куда моложе своих лет. Как говорит: потому что твой отец меня обожает. Моя мама невысокая, худенькая и хорошенькая. Я, в туфельках на небольшом каблучке, тоже страшно взрослых, действительно уже почти одного роста с ней.

– Это же хорошо! – радуюсь её словам.

– Нет, Феёныш, – ласково щелкает меня по носу, – не спеши взрослеть. Детство – самая чудесная пора, малыш.

– Ууу, – надуваю губы, – детство – отстой!

– Эй, – мама грозит пальцем, – никакого слэнга! Ты же – настоящая леди. А это значит, сама нежность, скромность, культурность.

Складывает ручки на уровне груди, опускает глаза, хлопает ресницами. Очень похоже изображает моего репетитора по этикету – Настасью Карловну.

Мы вместе хохочем взахлёб.

– Идём, малыш, – она обнимает меня за талию. – Пора, встречать твоих гостей. Помни, ты – хозяйка вечера, я лишь на подстраховке.

Перемигнувшись, как две заговорщицы, мы спешим в гостиную.

И я только сейчас замечаю, что комната, привычная с детства, изменилась – дизайнеры, нанятые мамой, превратили её в палату сказочного замка: рукотворные декорации соседствуют с голографическими фигурами. Это добавляет мистичности и тайны.

– Ух ты! – невольно вырывается у меня, когда рядом проплывают полупрозрачные Шрек и Фиона.

Да, я, конечно, уже большая девочка, но обожаю мультики. А особенно, сказки про принцесс. Ведь я и сама принцесса – мамина и папина. Поправляю заколку, в виде миниатюрной тиары, от которой волосы каскадом льются на плечи. Ещё раз провожу по зеленоватому шёлку платья – ах, как играет, переливается! Прямо, как мои глаза – золотисто-зелёные. Кошачьи, как говорит мама. Зажмуриваюсь и загадываю: пусть сегодня явится мой принц! Непременно – самый прекрасный на земле.

Встречаю гостей – это мои одноклассники, как говорит папуля, по школе искусств. В обычной школе друзей у меня нет. Меня там все бесят, а я – бешу их. Ведь меня привозят на дорожной машине с личным водителем. Одноклассники люто завидуют мне, и не хотят дружить.

Но я не страдаю. Настоящие друзья у меня – в школе искусств. Ведь дружба рождается, когда вы вместе, волнуясь, стоите за кулисами во время какого-нибудь конкурса. Когда утешаете друг друга в случае провала.

– Ну, ни фиги ж себе! – это Маринка, моя драгоценная скрипачка, оценивает размер торта, который проносят мимо нас в столовую.

Маринка оказывается самой смелой. Лора и Петя, брат и сестра, – они тоже со скрипичного отделения, – тихие и подавленные. Садятся на диван, поджимают ноги и как-то испуганно смотрят вокруг.

– А Семёновой не будет? – с опаской спрашивает Маринка.

Фыркаю:

– Зачем же мне приглашать эту вражину...

Дверь в холле открывается, и по голосам узнаю гостей – шумные, себе на уме. Моя тётя Света, старшая сестра мамы, и её противная дочка Лера. Лере недавно исполнилось восемнадцать. Она смотрит на меня с презрением. Ведь я мелочь, а она – уже взрослая. Они с тётей Светой шушукаются о парнях. Лерка хвастается походами в клуб, шлейфом поклонников. А сегодня – едва войдя в гостиную, осмотревшись и презрительно скривив губы: «Фу, детский сад!», тут же начала демонстрировать нарощенные ресницы и ногти. Сразу же завладела вниманием Лоры и даже Марины.

Предательницы!

Пфыкаю и бегу к маме.

– Мамуль, – тяну за рукав, привлекаю к себе внимание, – зачем пригласила Лерку? Она всё портит!

– Малыш, ну что ты?! – улыбается мама, отвлекаясь от беседы с другой тётей, Владленой Александровной, женой папиного младшего брата. У них нет детей. Тётя Влада – убеждённая чайлд-фри. – Лера – твоя сестра. Разве можно не пригласить?

Наконец, мы все проходим в столовую и рассаживаемся. Я сидеть не могу – верчусь, жду. самого главного гостя – моего любимого папы – до сих пор нет. У него работа. Но папочка уже звонил, совсем скоро он будет.

Поэтому сейчас словно витаю над беседой за столом, не вникая, слушая лишь обрывки...

Я ведь – папина дочка. Это с ним мы играем в четыре руки на рояле. Это он знает все мои заветные желания. И мне не терпится узнать – угадал ли он с подарком?

Папа появляется через десять минут, немного взволнованный и какой-то помятый. Они слишком многозначительно переглядываются с мамой. Но отец весьма профессионально натягивает на лицо улыбку и протягивает мне подарок. Специально не упаковывал коробочку, чтобы сразу получить в награду мой радостный визг. Папа угадал – набор косметики для девочек. У меня нежная и чувствительная кожа, а во время концертов приходится краситься. Поэтому косметические средства мне просто необходимы. Но именно об этой марке я давно мечтала.

Папа бережно ставит меня на пол, берёт за плечи и спрашивает:

– Принцесса моя, я не один. Примешь ещё одного гостя?

Я оглядываюсь на дверь и... забываю, как дышать. Потому что в столовую входит сейчас... настоящий сказочный принц! Разве обычные парни разве бывают такими утончённо-красивыми?

Он шагает к нам, а я, заливаясь краской и забывая, как дышать, ловлю его взгляд. И меня сразу сводит с ума необычный цвет глаз незваного гостя – фиалково-синий – и улыбка – чарующая, загадочная, прекрасная.

Незнакомец с ходу похищает моё юное сердечко – раз и навсегда...

Он такой высокий – куда выше папы, хотя до этого папа казался мне самым высоким... А тут – приходится задирать голову до боли в шее...

Но молод. Хотя все, кто старше двадцати, кажутся мне жуткими стариками, он не выглядит таким уж пугающе-дряхлым. Наверное, ему не более двадцати пяти... Потому что дальше люди уже другие – у них есть вторые половинки и дети. Вроде бы. Но при всей молодости – *принц* выглядит как зануда. Причёсочка – волосок к волоску, гладко выбрит, костюм-тройка и галстук. Туфли начищены до блеска. Лоск и элегантность. Так и слышу голос Настасьи Карловны в голове: «Вот так должен выглядеть настоящий джентльмен». Да я и не спорю. Именно так!

Нереальные глаза утопают в очень длинных густых тёмных ресницах. Волосы у него тёмно-русые, но сейчас их золотит свет люстр. Смуглая кожа гладкая и чистая. Черты тонкие и правильные, движения изящные. Несмотря на высокий рост – не выглядит шкафом.

Мой принц. Слово из головы. Сам – как подарок.

– Здравствуйте, – робко говорю я, невольно, как в детстве, принимая к отцу, ища у него поддержки и словно прячась.

– И вам моё почтение, Феодосия Павловна, – отвечает с полупоклоном и улыбается.

Вежливое – взрослое – обращение смущает меня ещё больше. Но сильнее – волнует голос. Низкий, бархатный, в самой приятной уху тональности. Лишь раз услышав его – понимаю: именно такой голос и должен быть у сказочных принцев.

– Фенечка, – папа слегка отстраняет меня, – позволь тебе представить Иллариона Старшилова, моего... – вдруг запинаясь, кашляет в кулак и, метнув на того взгляд, всё-таки заканчивает: – ... коллегу.

Илларион – да у него и имя, как песня! Ах!

– Очень рада, – выдавливаю, боясь смотреть в его сторону.

Неожиданный гость лезет в карман и достаёт сложенный вдвое лист, видимо, наспех вырванный из блокнота.

– Феодосия Павловна, – произносит торжественно, – я узнал о том, что у вас день рождения уже на полпути к вашему дому. Подарок купить было негде, поэтому решил... – чуть лукаво улыбается... – сделать его своими руками.

И протягивает мне бумагу.

Беру, сгорая от любопытства. Что же там может быть? Сделанное на ходу, в машине, экспромтом? Разворачиваю и...

Ноты! Я читаю их, спешно проглатывая одну за другой, и слышу мелодию – воздушную, нежную, полную цветов и бабочек... Но лист короткий – волшебство обрывается внезапно.

Вскидываю глаза, чуть не плача, что у меня отобрали сказку:

– Но... Эта мелодия... Она не окочена...

– Увы, – разводит руками даритель, тоже слегка растерянный и смущённый, – не успел. Но – всё здесь, – стучит себя пальцем по лбу, – если пустите меня к своему инструменту – могу доиграть.

– Конечно! Я хочу дослушать эту историю до конца!

Ловлю изумлённый взгляд отца, отмечаю застывших приглашённых – наверное, лишь я и мои одноклассники не в курсе, кто именно к нам пожаловал. Но мне-то всё равно. Меня больше волнует подарок. Самый удивительный из всех, полученных сегодня.

– Хорошо, – произносит он, – но лишь в одном случае, – подмигивает лукаво, – если вы сыграете вместе со мной?

– В четыре руки?

– Именно!

О, я давно мечтала попробовать так играть! Но мой преподаватель говорил, что мне ещё рано – я собоюсь, не смогу синхронизироваться. Что мне не хватает техники, умения... Хотя с отцом мы пробовали. Вернее, играл он, а я и впрямь лишь... двигалась следом. А тут – вот так, спонтанно, едва знакомую пьесу... Но я уверена – всё получится!

– Так идёмте же! – нетерпеливо хватаю его за руку и тащу за собой. Илларион полуобращивается к отцу и пожимает плечами: типа, не могу отказать...

Родители и остальные гости устремляются за нами.

Я же веду автора волшебной мелодии туда, где дремлет мой рояль. Белоснежный, огромный, с благородной патиной и не менее благородными следами времени. Это – подарок отца мне на десять лет.

Илларион, осмотрев инструмент, присвистывает, а я – гордо вскидываю нос. Да, знаю, что вещь очень дорогая. Но, как любит говорить папа: если можем себе позволить, то почему бы и нет...

Гость настраивает табурет под свой рост, я же подтаскиваю пуф, сажусь рядом и замираю. Залипаю на его пальцах. Я – пианист, длинные тонкие пальцы для меня – эталон красоты. Особенно, такие – с ухоженными, аккуратными ногтями. Приятно смотреть.

– Готовы? – Илларион бросает на меня взгляд.

Киваю.

Он вступает, берёт первые аккорды, задаёт темп и тональность. Несколько секунд я вслушиваюсь, настраиваюсь, а потом – присоединяюсь... И вот мы уже вместе – две бабочки – парим над цветочной поляной... Мы – капли росы, перемигивающиеся с радугой, птички трели, щекочущие облака...

Мы летаем вместе – невесомые и лёгкие.

Переглядываемся и смеёмся...

Я и представить себе не могла, что с чужим взрослым человеком можно так легко подружиться. Поймать одну волну. Да и вообще, что мне – замкнутой, плохо сходящейся с людьми – будет так просто и весело с незнакомцем... А сейчас – я будто обрела старшего брата, которого у меня никогда не было...

Изящная кода[1] завершает наше музыкальное путешествие, рассыпая по залу последние ноты, словно радужные брызги...

Мы поднимаемся вместе, берёмся за руки и синхронно кланяемся. Зрители взрываются аплодисментами.

Илларион поворачивается ко мне, треплет чёлку и говорит:

– Ну что, довольна подарком? – Я улыбаюсь и киваю, не в силах найти слова, чтобы выразить восторг. – Тогда, с позволения именинницы, мы с Павлом Георгиевичем, – выразительный взгляд на отца, заставляющий того почему-то съёжиться и поникнуть, – покинем это уважаемое собрание. – Лёгкий поклон в мою сторону, и гость, полностью сменив личину на строгую холодность, идёт в сторону папы...

Мама спешно пытается разрядить обстановку, которая моментально становится напряжённой:

– Никому не расходиться. Артисты уже приехали, сейчас начнётся представление.

Уже в дверях Илларион останавливается и с удивлением переспрашивает:

– Артисты? Серьёзно?

Отец разводит руками:

– У дочки же день рождения!

Выходит как-то жалко. Почти визгливо. Словно папа пытается воззвать к кому-то.

– А ну да, ну да, – холодным ехидным тоном комментирует Илларион и выходит из комнаты.

В моей душе смятие: мой сказочный принц, подаривший мне чудесную музыку, оказывается за что-то зол на отца? Как можно! Папочка у меня – лучший человек на земле. И злость на этого красавчика поднимается в моей душе.

А тут ещё Лерка, которая оказывается рядом со мной в нашем импровизированном зрительном зале, подбрасывает сомнений:

– Дура ты, Фенька, облизывала его! Ты хоть знаешь, кто он такой, этот Илларион?

– Нет, – отвечаю честно.

Откуда? Папа ведь сказал: *коллега*. У меня нет причин не доверять отцу.

– Коллектор! – важно тянет она и тычет мне в нос свой айфон, где открыта страница с фото Иллариона. – И твой папаша, кажется, попал!

Я понятия не имею, кто такой коллектор, да и прочесть не успеваю – Лера слишком быстро убирает гаджет, но от слова веет чем-то злым и неприятным. Погуглить тоже не получается – едва кузина отводит от моих глаз экран, как появляются артисты, начинается представление.

Мама знает, как я люблю Шекспира. Поэтому сейчас для меня разворачивается волшебный «Сон в летнюю ночь». В областной театр на премьеру в этом году мы не попали, вот родители и пригласили для меня всю труппу. Декорации, конечно, пришлось урезать. Но и тех, что есть, хватает, чтобы создать атмосферу сказки, в которой героиня... влюбляется в осла, потому что любовь – зла.

Это странно, задумываюсь я, выпадая из действия. Разве может быть злым такое прекрасное светлое чувство? Мой мир полон любви. И я полна ею.

Не знаю, что я испытываю к Иллариону. Наверное, это тоже любовь. Иначе, почему мне так больно и тоскливо думать, что он может быть плохим, злым? Что мама и папа могут пострадать от него?

Разве может быть плохим человек, который пишет такую чудесную музыку?

Сославшись на то, что мне нужно в уборную, покидаю спектакль, действительно бегу в туалет и достаю айфон.

– Окей, Гугл, – прошу привычно, – кто такой коллектор?

– Коллектор, – отзывается гаджет механическим голосом, – специалист по работе с долгами. Он выступает в роли своеобразного посредника между должником и кредитором. Кредитором чаще всего бывает банк или микрофинансовая организация.

Равнодушный «Гугл-ассистент» зачитывает такие страшные фразы. Долги? Кредиторы? Мой отец – должник? А как же: *если можем, то почему нет?*

Мне становится страшно так, что сердце колотится в горле. Страничка в сети демонстрирует жуткие заголовки: «В Энске коллекторы избили должника», «Петров повесился, после разговора с коллектором»...

Нет! Илларион же не станет бить моего папу! Он не такой... Нет!

Я забываю о гостях, об артистах, кидаюсь вверх по лестнице, туда, где находится папин кабинет...

Дверь приоткрыта. И я затаиваюсь, чтобы подслушать, хотя сначала из-за бешено колотящегося сердца не слышу ничего.

Лишь потом – всхлипы мамы (она, кстати, убежала, как только представление началось) и возглас отца:

– Бога ради, Илларион! – взывает папа. – Тебе всего двадцать три, а ты уже по уши в этом дерьме.

– Простите, – холодно чеканит тот, – но это вы сами добровольно влезли в *это дерьмо*, Павел Георгиевич, никто вас не толкал. И ладно бы только банки, но к Хмуровскому зачем сунулись?

– Мой бизнес переживал не лучшие времена, а банки больше не хотели иметь со мной дел, – каким-то обиженно-детским тоном, которого я у него никогда не слышала, бормочет отец.

Шорох бумаг, вздох, чирканье ручки по листу...

– Вы же взрослый человек, а оправдываетесь такими глупостями! – Илларион явно раздражён. Но это не злое раздражение... а такое – я не знаю, как объяснить. Но мне хочется броситься к нему, обнять за пояс, как папу, прижаться головой и сказать: «Тише-тише, всё будет хорошо»... Мне кажется, ему так нужно это *хорошо*. – Можно же было просто урезать траты. Нет же – антикварные рояли, личный водитель для дочери, артисты на день рождения... Лихо!

– Нельзя было сокращать траты, Илларион Валерьевич, – это подаёт голос мама. – Вы не представляете, каково наше окружение. Надень на приёмы дважды одно и то же платье – всё, поползут слухи о разорении, нищете. А это сразу ударит по репутации. Мебельный бизнес суров. Никто не станет покупать элитные гарнитуры у того, у кого проблемы. Скажут, значит, он экономит на материалах и так далее... Всё взаимосвязано.

– Вот так и объясните Хмуровскому! – отрезает Илларион. – Хотя нет... Он же не столь сентиментален и терпелив. А у вас – маленькая дочь!

Маленькая, фыркаю! Я уже почти взрослая! Из-за возмущения и сопения пропускаю часть фраз, когда снова ловлю разговор, то приятный низкий голос коллектора обещает:

– Ради неё я попробую выторговать вам время. Ваша Феня напомнила мне мою младшую сестрёнку. Анечка умерла в прошлом году. Только ради неё.

Мама и папа рассыпаются в благодарностях.

Я успеваю отскочить и спрятаться в нише за огромной вазой с цветами – всегда свежими, экзотическими – как дверь распахивается, из неё сначала выскакивает Илларион и стремительно несётся прочь. Потом мама и папа – оправляют одежду друг на друге, отец вытирает ей слёзы, мама улыбается и целует его в лоб.

– Время торта? – говорит папа.

– Время торта! – отвечает мама.

И, взявшись за руки, они идут в сторону столовой. А я бегу в зал, где вот-вот закончится представление.

Успеваю вовремя.

Лерка фыркает:

– Ну, ты и долгая! Точно ничего не съела?

– Спасибо, – благодарю эту ехидну, – всё нормально. И не дождёшься.

Артисты кланяются как раз в тот момент, когда появляются мама и папа, чтобы пригласить всех на торт.

Я бегу впереди, спешу задуть свечи. И, зажурившись, загадываю самое заветное на сегодня желание: чтобы у Иллариона получилось там с кем-то переговорить и у нас всё осталось как прежде...

И засыпаю в ту ночь, уверенная, что загаданное обязательно сбудется. Ведь это мне пообещала мамочка, целуя перед сном. А мамочка меня ещё никогда не обманывала.

[1] **Кóда** (итал. coda — «хвост, конец, шлейф») в музыке — дополнительный раздел, возможный в конце музыкального произведения и не принимающийся в расчёт при определении его строения; пассаж заключительной части произведения.

– 2 –

– Мама, мамочка! Куда эти люди тащат мой рояль?! – захлёбываюсь слезами, глядя на то, как мужчины в робе, затапывая паркет грязными ботинками, пыхтят над моим инструментом.

Мама лишь глотает слёзы, прикрывается чёрной косынкой, прижимает к себе и все время бормочет:

– Всё будет хорошо! Всё будет хорошо!

Меня взрывает. Выдираюсь из её объятий и кричу:

– Зачем ты врёшь? Ничего не будет хорошо! Ты же видишь, что твориться? Видишь, они забирают все наши вещи... А потом заберут наш дом...

Меня ломает, я падаю на пол и рыдаю навзрыд, ненавидя взрослых за ложь и это их «всё будет хорошо» на руинах мира. Кого пытаются убедить?

С моего дня рождения прошло три недели, мне пришлось повзрослеть и разучиться верить в чудеса...

Илларион появлялся в нашем доме ещё три раза. И каждый раз, там, в папином кабинете, они разговаривали на повышенных тонах. Коллектор выскакивал всегда злющий... Но стоило увидеть меня – расплывался в улыбке и по-доброму приветствовал.

А я...

Как я могла относиться к нему? Из-за него переживал мой отец, плакала мама... Но он – мне казалось, что он и сам не рад тому, в чём участвует. В красивых сине-фиалковых глазах я часто ловила грусть. А порой он горестно бормотал:

– Чёрт, как же ты похожа на неё... Анька бы мне не простила...

И не могла злиться. Не могла считать его плохим. Хотя из-за него мне пришлось спрашивать у Гугла, что такое «банкротство» и как это «пустить с молотка»?

Мой принц был единственным, кто не утешал. Однажды я, придя из школы искусств, застала его сидящим в гостиной. Понурий, со свешенной головой и упавшими на колени руками, Илларион выглядел смертельно уставшим, словно держал на своих плечах многотонный груз...

– Вам плохо? – бросила сумку с нотами, кинулась к нему.

Он вскинул глаза, поймал меня в их власть и улыбнулся.

– А, это вы, Феодосия Павловна, – хмыкнул невесело. – Нет, мне неплохо, точнее, не в том смысле, как вы подумали, – эта его манера говорить со мной, как со взрослой, очень подкупала меня, – плохи дела вашей семьи. Очень плохи. И, кажется, я сделал все, что смог...

Он ещё раз грустно хмыкнул.

Илларион оказался единственным, кто мне не соврал.

Он ушёл, а вечером в кабинете отца раздался выстрел. Когда мы с мамой прибежали – было уже поздно. Папа лежал в луже крови, а весь стол был завален бумагами – векселя, кредитные договора, долговые расписки... И клочок бумаги, на котором он написал: *«В моей смерти винить Иллариона Старшилова...»*

Я перечитывала это вновь и вновь, как и все те жуткие статьи о коллекторах, что нашла в сети. Он всё-таки убил моего отца! Довёл его! Это была ещё одна разрушенная иллюзия. Почему-то в тот момент она сломала меня сильнее смерти родного человека.

Сказочный принц оказался чудовищем. И обратного превращения не предвиделось. Потому что в жизни всё наоборот. Этот урок я выучила...

Больше в нашем доме Илларион не появлялся.

...И вот сейчас – сижу на полу и рыдаю. И теперь уже ненавижу маму. Хотя... Что она могла? Те люди не стали ждать. Они явились в наш дом сразу после похорон – деловые, с блок-

нотами, заглядывали в каждый угол, переворачивали мебель, снимали картины, потрошили мои игрушки...

Они приходят уже несколько дней. Им плевать на наше горе. А мама твердит и твердит: «Всё будет хорошо!»

– Не будет, мама, не будет, понимаешь... – шепчу, устав плакать.

Она сидит рядом, обнимает меня, целует в волосы...

– Прости, доченька, прости... Это я виновата. Это я говорила твоему отцу, что мы должны поддерживать иллюзию достатка... И вот к чему это привело...

Мама качается, баюкая меня.

Нам нужно собирать вещи, те, что остались неописанными и не уйдут с молотка, и съезжать. Но беда в том, что мама не знает, куда съезжать... Её сестра развела руками: мол, Лера и Феня не очень ладят. Родственники отца лишь поджали губы и обещали подумать.

Но даже если мы найдём квартиру и съедем, мама не знает, чем заниматься. По образованию она учитель музыки, но она не работала и дня. Любимая и избалованная. Сначала своими родителями – богатыми и обеспеченными. Потом – мужем. Мама сама говорит, что умеет только тратить деньги, а считать не привыкла...

Как мы будем? Я больше не смогу посещать свою школу – она, оказывается, была платной, элитной. Придётся переводиться в обычную. И со школой искусств тоже могут быть проблемы...

Господи, за что мне это?

А мама твердит: «Всё будет хорошо»

Как? Вот как?

– Мирослава Сергеевна, можно вас на пару слов?

Голос грохочет над нами – вскидываю голову и встречаю холодный взгляд. Мужчина рассматривает нас, как будто мы диковинка. Возвышается – огромный, массивный, квадратный. Такой бы, наверное, в одиночку потащил мой рояль. Мы с мамой перед ним – тростинки. Он лыс. У него грубые неприятные черты лица. Выражение злое. Но главное даже не это, а то, что я узнаю его – отца моей вечной конкурентки на конкурсах Люси Семёновой, Никиту Дмитриевича. Я хорошо запомнила его – он каждый раз приезжал поддержать дочь.

Говорят, что он бандит и, вообще, нехороший человек.

Зачем ему моя мама?

Руки он маме не подаёт. Ей приходится подниматься самой. Неуклюже, шатаясь. Мама измотана последними днями. Бледна. Вся в чёрном.

А этот мужчина – огромный страшный – возвышается над ней, тонкой, маленькой. Стоит, засунув руки в карманы, усмехается.

Мне жалко маму – рядом с ним она выглядит такой беззащитной и несчастной.

– Идёмте, – говорит мужчина и направляется в сторону смежной комнаты.

Мама, понутив голову, бредёт за ним.

Не возразив, не сказав и слова.

Странно, обычно для разговоров взрослые поднимались наверх в кабинет.

Когда за ними закрывается дверь – я тоже встаю и иду обходить дом. Сейчас, лишённый мебели, аксессуаров, он будто обнажённый. Хочет спрятаться, а не за чем. Я брожу из комнаты в комнату, трогаю подоконники, выглядываю из окон в грустящий сад...

Папочка, почему ты это сделал? Почему ты ушёл? Мне страшно. Я боюсь, что мамочка не сможет меня защитить.

– Феёныш, вот ты где?! – как-то нарочито радостно говорит мама. Она выглядит ужасно – чёрная косынка сбилась, аккуратная причёска взъерошена и растрёпана, она улыбается как-то странно.

– У тебя что-то на лице, – тянусь к её губам, мама отшатывается и, густо покраснев, начинает дрожащими пальцами вытирать рот. Такое впечатление, что она хочет стереть что-то очень грязное, противное, некрасивое...

– Всё? – спрашивает, дрожа.

– Всё, – шагаю к ней. – Mamочка, успокойся. Я с тобой.

Обнимаю, прижимаюсь к груди, всхлипываю.

Мама берёт моё лицо в ладони и целует – быстро-быстро, горячо, в какой-то истерике.

– Доченька, дочурка моя, – всхлипывает она, – прости меня, прости...

– Ты сказала ей? – грохочет Никита Дмитриевич. Он стоит в дверях, опираясь о косяк, и смотрит на нас. Он больше не разговаривает с мамой уважительно. Презрительно бросает «ты». За что я удостаиваю его строгим, надеюсь, взглядом. Какой некультурный!

Мама отстраняет меня, заглядывает в лицо, опять нервно улыбается:

– Никита Дмитриевич пригласил нас пожить у него, – торопливо бормочет она, словно боится, что её сейчас остановят.

И Семёнов действительно сводит густые брови к переносице:

– Мира! – рычит он. – Не ври ей! Приучай принимать правду!

Мама вздрагивает, сжимается, закрывает глаза руками...

– Что такое? – интересуется мужчина. – Неужели так сложно сказать?

Мама всхлипывает громче. Острая жалость пронзает меня: почему этот противный человек так говорит с моей мамой?

– Не надо, – стараюсь говорить спокойно, вспоминая уроки Настасьи Карловны, – я поняла. Вы хотите, чтобы мама вышла за вас замуж?

Семёнов запрокидывает голову и... нет, не смеётся, ржёт, заставляя маму сжиматься ещё сильнее. А отсмеявшись, уставляет на меня:

– Ты, правда, так думаешь? Замуж?

Киваю.

– Ведь для этого мужчины приходят к женщинам.

– Какая милая незамутнённость! – ухмыляется этот тип. – Нет, девка, не только для этого. Твоя мама будет моей подстилкой. А тебя беру с собой потому, что она пообещала, что ты не доставишь проблем. Как только начнёшь – вылетишь в детдом. У меня есть дочь и сын. Мне их спокойствие важнее... – поворачивается к маме. – Мира, у вас десять минут. Собирайтесь.

Она кивает, хватая меня за руку и тащит прочь.

– Мама, – говорю, – я не хочу ехать к ним. Ты разве не понимаешь? Он плохой! Он назвал тебя гадко – подстилкой! Он отправит меня в детский дом!

– Не отправит, Феёныш, – мама треплет меня по волосам, – я буду очень стараться.

– Мама, не разрешай ему называть себя подстилкой! – шепчу сквозь слёзы, обнимая её. – Помнишь, как учит Настасья Карловна: у женщины всегда должны быть гордость и достоинство...

– Достоинство, малыш... – хмыкает мама. – Иногда это роскошь... – и быстро переводит разговор на другое: – Давай собираться. Никита Дмитриевич не любит ждать.

Через десять минут мы были готовы. Брать особенно нечего. Нам оставили мелочи. Их мы и упаковали. Огромная чёрная машина увезла нас прочь...

... Дом у Семёновых меньше нашего, но мрачнее, приземистее. Если бы меня попросили оценить хозяев по виду их жилья, я бы сказала, что здесь живут злые люди. Жаль, я тогда не знала – насколько.

Люда встречает нас в холле.

Увидев меня, взвизгивает:

– А, это ты, гадина! Теперь ты мне ответишь за всё. Будешь лизать пол перед моими ногами!

– Мама, – пячусь я, – идём отсюда скорее. Ты же слышишь её! Она не даст мне жизни!

Но мама лишь сжимает мне плечи, жалко улыбаясь под ненавидящим взглядом Семёнова.

– Научи свою девку правилам, а то я научу! – гаркает он.

Мама кивает, как болванчик, твердит:

– Обязательно... обязательно...

– Идите, – кивает он, – ваша комната вон, под лестницей... Оставишь её и ко мне, поняла...

Мама кивает, выжимает улыбку...

Когда мы проходим в гостиную, где находится та самая лестница, под которой мы будем жить, я вижу брата Людмилы. Тимофею лет шестнадцать. Он очень толстый. Настолько, что вынужден всё время сидеть. У него пустой остановившийся взгляд. Из рта капает слюна, отчего на футболке огромное пятно. Увидев меня, он противно ухмыляется. Складывает одну ладонь в кольцо, а другой – вводит туда палец, двигает взад-вперёд. Понятия не имею, что это значит. Но выглядит так мерзко, что хочется помыться.

Никита Дмитриевич комментирует жест сына:

– Тим говорит, что когда ты, девка, вырастишь, он трахнет тебя.

И произносит это с явным удовольствием, превосходством.

Как гадко!

Трахнет, когда я вырасту? Ударит? Изобьёт?

Мне страшно. Так страшно.

Я понимаю, что мама не защитит.

А тут ещё Людка подогревает атмосферу:

– Добро пожаловать в ад, Феня Рубанова!

И через несколько дней я убеждаюсь, что это не просто фигура речи. Я действительно оказываюсь в преисподней, где теряю маму, музыку и детство...

– 3 –

Смена школы становится для меня серьёзным испытанием. Если в прежней школе у меня не было друзей, но и не было конфликтов. Я просто приезжала на уроки на личной машине, погружалась в учёбу и уезжала домой, то теперь всё иначе.

Новый класс принимает меня в штыки. Уже не знаю почему. Начинается травля, подлолы, преследования. Доходит до того, что вставая каждый раз утром, я думаю, как бы прогулять школу. Потому что идти туда и снова подвергаться нападкам и унижениям совсем не хочется. Сосредоточиться на получении знаний тоже не выходит – меня постоянно дёргают, отвлекают, срывают уроки из-за меня. В результате я скатываюсь в троечники. Пожаловаться некому. Мама вообще самоустраняется от всех моих проблем. За последнее время она становится похожа на тень – исхудала, волосы тусклые, взгляд погасший.

– Феёныш, пожалуйста, – жалобно говорит она, когда я завожу разговор о проблемах в школе, – давай как-то сама... Я тебе не помощник.

Конечно, она и слова против не говорит Никите Дмитриевичу. А если его дети издеваются надо мной, лишь улыбается, бормоча:

– Ничего... ничего... Они же просто шалят...

Новые учителя тоже меня не очень жалуют.

– А что ты хотела, Рубанова, авторитет надо завоевать, – заявляет мне наша классная, Мария Семеновна, – а ты кто-то не очень стараешься. Скажу тебе так – ябед не любят. Нигде. И в моё время не любили. Иди и учись налаживать контакты со сверстниками.

Но контакты так и не налаживаются. А маму я теряю всё сильнее и сильнее. Большую часть времени она проводит с Семёновым. И когда я ставлю ей это на вид – взрывается: типа, неблагодарная! Нас приютили, содержат! Ты дома, а не в детдоме!

Людка подкалывает меня, обзывая мою мать всякими гадкими эпитетами, которые имеют общее значение – *падшая женщина*. И чем дальше, тем мне сложнее ей возражать. Ведь не успел умереть отец, как она стала жить с другим мужчиной!

Моя мама, раньше спокойная и уравновешенная, становится нервной, истеричной, срывается на меня. Словно я – источник всех проблем.

Жаль, что у меня нет бабуль. Папина мама умерла, когда мне было семь. Мамины родители погибли ещё до моего рождения – они отправились отдыхать на большом корабле, а тот потерпел крушение... Многих не смогли спасти. Дедушку с бабушкой вытащили, но они умерли уже в больнице...

Будь у меня бабули, я бы уехала. Чтобы не видеть этой грязи и гадости.

Но совсем происходящим я бы могла смириться, если бы мне не запретили музицировать. Рояль в доме был только один, Людмилин. И она мне пригрозила, что переломает пальцы, если я подойду к её инструменту.

Школу искусств мама оплачивать перестала, хотя и обещала мне поговорить об этом с Никитой Дмитриевичем. Но в итоге – развела руками.

– Извини, малыш, – обычно говорит она, когда я поднимаю этот вопрос, – пока мы не можем этого себе позволить.

Без музыки я глохну, слепну, брожу в темноте...

Кроме того, мне приходится слушать, как Людмила терзает бедный инструмент. Мы участвовали вместе в нескольких конкурсах. Я знаю, как ей доставалось второе место – приезжал её отец и просто орал на всех, запугивал, угрожал. И жюри предпочитали не связываться. Моё первое мне всегда доставалось честно. И вот теперь она лишилась своего главного конкурента. Может претендовать и на первые места.

Мне не жалко.

Мне до зуда в пальцах хочется играть.

Дожидаюсь, когда она уезжает в торговый центр со своей няней – да-да, ей тринадцать, а у неё ещё няня, и моей мамой (с ней мама тоже чаще, чем со мной, и хотя Люда её ненавидит и унижает при каждом случае, мама не оставляет попыток выслужиться, завоевать доверие) – достаю единственные ноты, которые у меня остались: подарок коллектора с необычными глазами, расправляю страничку и сажусь к роялю.

Касаюсь клавиш и замираю, внимая задрожавшим в воздухе звукам. Как прекрасно! Даже глаза щиплет, так давно я не играла! Кажется, целую жизнь назад.

Пальцы парят над клавишами... Чёрное... белое... черное... белое... Но их соединение даёт не серый – радугу. Идеальную, абсолютную красоту. И я отдаюсь ей, растворяюсь.

Вспоминаю Иллариона, его мягкий смех, его низкий голос, его тёплые глаза... И будто снова играю с ним в четыре руки. И вокруг – как по волшебству – зал в нашем доме, под ладонями – белый рояль...

Невероятно!

Не думала раньше, что по музыке можно тосковать, как по живому существу.

И незаконченная мелодия расцветает новыми звуками, новыми нотами, новой тональностью...

Всё обрывается внезапно – резкой болью. Это Людка хватает меня за волосы и стаскивает со стула.

Увлёкшись, я не заметила, как они вернулись.

Моя мать стоит, закрыв себе рот руками, и просто наблюдает за происходящим.

А Семёнова треплет меня всю.

– Тварь! Скотина! – вопит она, дёргая мои космы туда-сюда. – Как ты посмела тронуть моя рояль! Я тебя убью!

Шарит взглядом, будто ищет, чем уязвить меня побольнее. И находит!

Прежде, чем я успеваю сориентироваться и встать с пола, она кидается к инструменту, хватая листок с нотами и рвёт его в клочья.

А у меня на глаза падает красная пелена...

Никогда никого не била. Букашку за свою жизнь не обидела. Да и вообще – мне претит насилие. Но Людка посягнула на святое, на глубинно моё. И поэтому когда я, тощая и мелкая, прыгаю на неё, от неожиданности она летит на пол. Я оказываюсь сверху и принимаюсь тузить. Из всех сил. Кулаками. С воем, слезами. У меня нет даже слов, чтобы выразить боль, что разрывает сейчас изнутри.

Людка больше и крупнее меня, но сейчас орёт, как резанная, и не может дать мне отпор. Отчаяние удесятеряет мои силы.

– Ненавижу! Дура! Уродина! Бездарность!

Выплёскиваю накопившееся за эти дни и молочу изо всех.

Подбегает мама, хватая меня, брыкающую и воющую, и волокёт прочь. Я слышу, как плачущая Людка кому-то звонит. Наверное, отцу. Мне всё равно, что теперь будет. Что будет с мамой и со мной. У меня вырвали душу и разорвали её в мелкие клочья.

Закинув меня в комнату, мама запирает дверь и со всей силы бьёт меня по лицу.

– Что ты творишь?! – её серые глаза мечут молнии. – С ума сошла! Да Никита нас с дерьмом смешает.

Я сижу на кровати, держусь за горящую щёку и смотрю на неё со злостью:

– И так уже смешал! Дальше некуда! Людка обзывает тебя шлю... – осекаюсь, не в силах произнести это гадкое слово, – падшей женщиной! А ты с ней сюсюкаешь! В торговый центр едешь! С ней! Не со мной! – выпаливаю в сердцах всё, что наболело за эти дни.

– Феня, – строго говорит мать, – я пытаюсь наладить контакт. Сделать так, чтобы тебе было комфортно. Чтобы были еда и крыша над головой.

– Мама! Мне некомфортно! Понимаешь! Мне ужасно! – подползаю к ней, обнимаю за талию, заглядываю в глаза. – Mamочка, давай уйдём отсюда! Нам не нужны такая еда и крыша...

Мать вздыхает, гладит меня по волосам, она уже успокоилась, унялась...

– Эх, доченька, не только это. Женщине нужен мужчина. Вырастишь – поймёшь.

– Мама, Люда уничтожила ноты, которые мне подарил Илларион! Понимаешь? Мой подарок! Другого такого не будет!

– Феня! Будь реалисткой! Этот Илларион уничтожил нашу семью, довёл нас до такого состояния. Из-за него твой отец пустил себе пулю в лоб. И хорошо, что у нас в доме больше ничего от него не осталось...

Мамины слова тонут в рёве – это Семёнов распахивает дверь в нашу комнату.

– Вон из моего дома! – орёт, глядя на меня. – Не слышала что ли, малолетняя тварь?

Он в два огромных шага преодолевает расстояние между нами, хватается за руку и тянет прочь...

Мама бежит следом, кричит:

– Никита! Никита! Остановись, прошу!

– А ты не лезь! – рывкает на неё. – Знай своё место! Сиди тихо...

Отбрасывает её, как тряпичную куклу, мама падает на пол и воет.

– Никита... – скулит она... – пожалуйста... Никита...

Её никто не слушает.

Меня продолжают тащить. Я воплю, кусаюсь, брыкаюсь. Споткнувшись, падаю на колени. Мужчина не обращает на это внимания, продолжает волочить, как тюк.

– Попробуешь ещё раз укусить, – он пресекает очередную мою попытку, фиксирует лицо за подбородок и смотрит на меня побелевшими от ярости глазами – огромный, страшный, – выбью зубы на хрен. Будешь шамкать, как старуха!

Поднимает меня за шиворот, как нашкодившего котёнка, открывает входную дверь и в буквальном смысле вышвыривает прочь.

Хорошо, что я падаю на газон. Ударяюсь не так больно. Сжимаюсь в комочек и плачу. Жизнь кончена... Я хочу умереть...

Прихожу в себя оттого, что мама гладит меня по волосам.

– Фенечка, девочка моя, вставай, вставай, милая, пойдём... – говорит она. – Никита смягчился. Он дал нам машину, я отвезу тебя на вокзал...

На маминой щеке красуется синяк – след Никитиной *мягкости*.

– Вокзал... – бормочу, плохо что-то соображая... – мы всё-таки уезжаем?

Точно? Вот же рядом мой рюкзак! Наконец-то!

Вскакиваю – откуда только силы берутся! – хватаю свои вещи и говорю:

– Не переживай, мама. Мы справимся, мы сможем. Мы есть друг у друга. Идём!

Протягиваю ей руку. Мама поднимается тоже, но губы её кривятся углами вниз в гримасе боли.

– Дочура, нет, – мотает головой, – не мы, ты уезжаешь. Ты, милая!

– Нет, мама, я никуда без тебя не поеду!

– Я не могу, милая, не могу. Я должна вернуться к Никите.

– Но куда я поеду? – глотаю колючий ком. – От нас же все отказались.

– Я позвонила Настасье Карловне, помнишь её?

Как же не помнить собственного преподавателя по этикету. Эту настоящую леди. Даже улыбаюсь от воспоминаний. Киваю.

Мама продолжает:

– У неё есть сестра. Одинокая. Бездетная. Не здесь, в другом городе. Она согласилась принять тебя. Поживёшь у неё, пока всё успокоится, милая. А потом я тебя заберу. Помни об этом, дорогая. Это не навсегда.

Я молчу. Как объяснить матери, что детское сердце разрывается от предательства? Стараюсь не плакать – боюсь, что из глаз потечёт кровь, а не слёзы.

Плетусь за мамой, волоча рюкзак по земле. Сажусь в машину, отворачиваюсь к окну.

Не хочу её видеть. Мне противны эти причитания:

– Фенечка... Ребёнок мой родной...

– Молчи, просто молчи, – прошу шепотом и выстукиваю на стекле утраченную мелодию...

Нет, не то, упускаю какие-то ноты...

Надо заново...

Снова не то. Неверно выбираю темп...

... Вообще-то я люблю поезда. Раньше мы часто куда-то ездили. Всегда бизнес-классом. В роскошных купе, где кроме нашей семьи никого не было. А теперь мама уговаривает проводницу взять меня под крыло, объясняет, что меня встретит подруга. Мол, еду отдыхать, а она работает, не может со мной.

Ложь. Всё насквозь ложь. Моя мамочка научилась лгать!

Никакая не подруга – чужая женщина, которую я увижу первый раз в жизни. Да и мать не работает.

Не смотрю на неё.

Не хочу видеть.

Проводница открывает мне дверь в своё купе, и я сразу забиваюсь в угол.

– Не хочешь помахать маме? – спрашивает пухлая белокурая женщина.

Обнимаю колени, притягиваю к груди, мотаю головой.

– Она мне не мать. Она убила мою маму. И отца тоже. Она украла у меня всё.

Глаза проводницы округляются, но она ничего не говорит. Вот и хорошо, я не способна сейчас разговаривать. У меня нет слов. Мой разум занят тем, что я ловлю ускользающие ноты. Плакать хочется, что не заучила наизусть... А теперь – ноты уносит ветер перемен. Слизирует одну за другой с нотной тетради памяти... Сдувает...

Мне кажется, он так же сдувает и уносит мои слёзы. Лучше я оплачу здесь, чтобы не плакать больше никогда. Там, в новой жизни я закрою сердце на замок, и тогда никто-никто не сможет меня обидеть...

По мерный стук колёс я всё-таки засыпаю. Проводница будит меня на рассвете:

– Вставай, малыш, ты приехала.

Киваю, торопливо иду умыться. Вернуться в купе не приходится – за дверью туалета женщина уже ждёт меня с моим рюкзаком.

Спрыгиваю на перроне незнакомого города. Какая-то женщина бросается ко мне. Она едва-едва похожа на Настасью Карловну, но сомнений в родстве нет.

– Привет, – протягивает мне ладонь, широкую для женщины, с полными пальцами без маникюра, – меня зовут Татьяна. Никаких *тёт*. И желательно на «ты».

Вымучено улыбаюсь, пожимаю руку.

Она перехватывает мой рюкзак и ведёт меня к старенькой иномарке. Эта женщина совсем без лоска, в отличие от сестры. На ней простые джинсы и растянутый свитер. Волосы небрежно собраны заколкой «краб». Обута в кроссовки не первой молодости. Лицо приятное, но обычное.

– Выше нос, малыш, – говорит она, садясь за руль и поправляя на мне ремень безопасности. – Откуда ты такая – тощая да смурная?

– Из ада, – отвечаю, хмыкнув.

– Ну... – тянет новая знакомая, трогая машину с места, – рая я тебе не обещаю. Но котофей у меня есть. Жирнющий, наглый, рыжий. Думаю, он тебе понравится.

Она подмигивает мне, и внутри что-то оттаивает. Что-то ответственное за радость и улыбку.

Мы едем по сонному ещё городку – вполне уютному, очень зелёному, малоэтажному. Навстречу новой жизни, где мне заново придётся учиться мечтать...

– 4 –

За четыре года до событий пролога

– Эй, мелочь, выше нос и больше жизни! – Татьяна ласково щёлкает меня по лбу и фальшиво напевает: – Я ведь взрослая уже, восемнадцать мне везде...

Смеюсь. Рядом с моей приёмной мамой сложно грустить – она умеет заряжать позитивом.

– Ты снова все слова перепутала, – пеняю я.

Она разводит руками:

– Что ты хочешь, старческий склероз. Мне сколько лет-то уже! Это тебе восемнадцать!

– Ой-ой, не прибедняйся! – шагаю к ней, прижимаюсь к высокой мягкой груди.

Татьяна любовно ерошит мне волосы, потом, глянув из-за плеча, фыркает и разворачивает меня:

– Полюбуйся на этого наглеца!

Кот Басик с деловой мордой забрался в мой открытый чемодан и сейчас гордо возлежит на одежде, вылизывая лапы.

– Ну что с ним будешь делать, – притворно вздыхаю я, наклоняюсь и треплю пушистого супостата за ушком. – Третий раз уже гоню...

– С тобой хочет, – говорит Татьяна, и я замечаю в её глазах печаль. Мне тоже невесело и немного страшно.

Пять лет назад, приехав в этот старый домик на окраине крохотного курортного городка, я и не думала, что снова смогу полюбить и открыть кому-то своё сердце. Слишком уж оно было изранено предательством самого близкого человека, смертью отца и осколками счастья...

Но Татьяне удалось невозможное – она покорила меня. Ненавязчиво. Не лезла в душу, не давала ненужных советов. Просто была рядом. Раз за разом, день за днём пробивая стену моего отчуждения. Чтобы иметь право приглядывать за мной, ей пришлось оформить приёмного ребёнка. А маме – официально отказаться от своих прав. И Татьяне удалось примирить меня с этим решением мамы: типа, так надо для дела, временно, до тех пор, пока мне не исполнится восемнадцать.

Татьяна заботилась обо мне, как могла, став не столько родительницей, сколько старшим другом и мудрым наставником. Она оказалась очень простой и интересной. Писала любовные романы и продавала их в сети. Растила цветы и делала из них потрясающие букеты. А по выходным – любила собирать друзей у себя на заднем дворе. Повод всегда находился – хоть День взятия Бастилии. Словом, у нас всегда было шумно и креативно. Она даже умудрилась купить для меня пианино и помогла поступить в здешнюю школу искусств – пусть не такую шикарную, как в моём родном городе, но вполне приличную, с замечательными педагогами. В обычной школе тоже дела пошли на лад – Татьяна тут же вступила в родительский комитет и просто прожила со мной вместе все пять лет школьной жизни, поделила все беды и радости. Лишь об одном грустила, что я отшиваю всех мальчишек. А я просто всех мысленно сравнивала с ним... И все проигрывали... Об Илларионе, чудесном подарке и о том, как его уничтожили, я рассказала приёмной маме. Она лишь качала головой и обнимала меня.

Рядом с ней я была спокойна и счастлива. И даже то, что после подписания бумаг, мама не звонила мне и вовсе никак не связывалась, не столько расстраивало меня. Здесь, с совершенно чужим человеком, мне было тепло, как в далёком детстве. И пусть жили мы отнюдь не шикарно, зато дружно и весело...

А ещё у нас был Басик. Пушистый котофей покорила меня сразу и наповал. В первую же мою ночь в этом доме он запрыгнул ко мне на постель и начал деловито вылизываться. И когда

я спросила: «Собираешься здесь спать?», посмотрел выразительно: мол, я и так здесь всегда сплю, но так уж и быть, тебе тоже разрешу.

Восемнадцатилетия я ждала и боялась. Ведь этот возраст означал, что опека Татьяны заканчивается, и мне нужно возвращаться в прежнюю жизнь. К тому же, как я не говорила себе, что мама предательница – всё равно скучала по ней. Очень сильно. Тётя Света и Лерка – кстати, с кузиной мы сдружились и часто переписывались и перезванивались через мессенджер – сообщили мне, что год назад мама официально стала Семёновой. Но, как добавила Лерка, не только по фамилии – по духу.

«Она Людку доченькой называет»...

Став старше, я перестала осуждать маму – она выкручивалась, как умела. В конце концов, женщине действительно нужен мужчина. Татьяна вон официально замужем не была, но у неё куча друзей-мужчин, которые всегда помогут, чем надо...

Я много раз представляла себе встречу с мамой и каждый раз волновалась.

Татьяна обнимает меня со спины:

– Не дрейфь, мелочь, – тепло выдыхает мне в ухо, – твоя мамка только рада будет. Вон ты какая красавица выросла. И умница! Школа с золотой медалью. Музыкалка на «отлично». И едешь не на шее сидеть, а в консерваторию поступать.

Это правда. Здесь, в крохотном городке, не было высших учебных заведений, а тем более таких специфических, как консерватория. А на моей исторической родине – есть. Вот и ещё один и поводов вернуться.

Татьяна всё-таки прогоняет Басика и ещё раз перепроверяет всё ли я взяла.

– Остальные вещи останутся здесь. Есть не просят. Приезжай в любой момент, – говорит она и немного суетится, прячет слёзы, несколько раз складывает и раскладывает одну и ту же вещь. – Всё будет на своих местах ждать тебя.

По традиции присаживаемся на дорожку. Басик трётся об уже закрытый чемодан, смотрит на меня зло: мол, уезжаешь, бросаешь, а я ведь до следующей встречи могу и не дожить!

– Тань, – я всегда называю её просто по имени, – ты будешь слать мне фотки этой морды? – треплю котяру, не могу оторваться.

– Всенепременно... Ну, дёрнули...

Татьяна сама хватает мой чемодан, я набрасываю на плечи рюкзак. Ещё раз окидываю взглядом гостиную со старомодной мебелью и огромными окнами, дающими много света...

Старенькая «Хонда» Татьяны ещё бегаёт. И сейчас она бодро везёт нас на вокзал. Из колонок льётся «Чиж» – моя приёмная мама любит русский рок, и меня на него посадила...

На перроне мы прощаемся быстро, обе едва удерживаемся от слёз. Я долго машу рукой, а Татьяна идёт за поездом, пока может...

Я уехала из родного города в раздразе, а возвращаюсь с надеждой, что теперь всё будет по-другому. И загаданное сегодня желание уж точно сбудется. Ведь я не о чём не просила Фортуны целых пять лет...

Родной город встречает меня гораздо теплее, чем провожал. Тётя Света и Лерка буквально подхватывают меня, едва спускаюсь на перрон.

– Фенька! – тётушка расцеловывает в обе щеки. – Выросла-то как, похорошела!

Лера тоже тепло улыбается мне, шепчет на ухо:

– Ну, вот теперь-то, сестрёнка, мы сможем отрываться вместе...

Лера за это время успела окончить институт, выучилась на экономиста, но на работу выходит не спешит. Считает, что лучшая работа для женщины – удачное замужество. И тётя с дядей её в этом, увы, поддерживают.

Меня ведут к машине. Водитель вежливо открывает дверь. Тётя Света садиться вперёд, на пассажирское, мы с Леркой прыгаем назад.

Она зажимает меня, обвиняет руками и говорит:

– Столько всего надо тебе рассказать. Я влюбилась! Когда ты его увидишь – ты меня поймёшь!

Тихонько усмехаюсь, чтобы не расстроить кузину. Для меня на свете существует лишь один мужчина, достойный того, чтобы отдать ему своё сердце – мой принц с фиалковыми глазами. Став постарше и невероятно тоскуя, я искала его в сети – хоть какую-то информацию, зацепочку... Ничего. Кроме той страницы на сайте коллекторского агентства с единственным фото и скупыми фактами биографии. Там был номер телефона. Однажды я набралась смелости и позвонила, ответила девушка: «Коллекторское агентство “Возврат”, слушаю вас»... Бросила трубку, расстроенная. Единственный номер оказался корпоративным.

Илларион...

Порой, мне казалось, что он просто приснился – слишком нереальный, идеальный, похожий на мечту...

Погружённая в воспоминания, не слышу, что говорит Лерка. А между тем мы подъезжаем к их коттеджу. Тётя Света со своим мужем жили беднее, чем мы, зато сейчас их дом кажется мне невероятно уютным и тёплым. Я полюбила небольшие дома, в которых царят гармония и любовь.

Меня обустривают в одной из гостевых комнат, здесь принимаю душ, переодеваюсь... И прислушиваюсь к тому, как тихой поступью в сердце пробирается счастье... Чтобы оно воцарилось там полновластно, мне осталось немного – увидеть маму.

Тётя Света перехватывает меня уже в прихожей:

– Убегаешь? Даже не пообедаешь?

Немного смущаюсь:

– Пока не хочу. Слишком волнуюсь.

Тётя Света смурнеет.

– К матери?

Киваю.

Она вздыхает:

– Мирослава сильно изменилась, Фень. Они сломали её. Она совсем отдалилась от нас. Не общается. – Снова глубокий вздох. – Это я виновата. Родную сестру с ребёнком за борт выкинула. Ничего, потеснились бы, ужались... – Смахивает слезу, обнимает меня: – Прости, ребёнок. Если сможешь – прости.

– Да что вы, тётя Свет, – ласково хлопаю женщину по спине. – Вы не виноваты. Да и не смогла бы мама у вас жить. Вы же знаете – она к другой жизни привыкла. Её искала.

Тётушка качает головой:

– Ты такая добрая девочка, Фень. Другой бы обозлился, отделился бы от всех.

Улыбаюсь, вспоминаю Татьяну науку: «Тратить жизнь на негативные эмоции – себя не уважать»...

– Я пойду, – говорю, – всё-таки сегодня мой день рождения. Для мамы это всегда был особенный день.

Утешаю себя, потому что за пять лет мама ни разу не поздравила меня.

Пока такси везёт меня к логову Семёновых – я по-прежнему называю это жилище так – смотрю в окно и загадываю: какой будет наша встреча? Какой стала моя мама? Она у меня всё-таки очень классная. Вон, даже Семёнов, в конце концов, женился на ней, хотя и обзывал сначала всякими гадкими словами...

И вот я уже стою у ворот. Вся дрожа, нажимаю кнопку звонка.

– Назовите себя, – требует голос в домофоне, висящем у калитки.

– Феодосия Рубанова, – представляюсь.

– Вы к кому? – продолжает всё тот же безэмоциональный, будто металлический голос охранника.

– К Мирославе Руб... Семёновой, – быстро поправляюсь: новая мамина фамилия неприятно царапает болючими воспоминаниями, – её дочь.

В домофоне шорох, какие-то переговоры – слов не разобрать – и наконец ответ, выбивающий почву из-под ног:

– На ваш счёт распоряжений не было. Я не могу вас впустить.

Мне хочется кричать и колотить в калитку ногами: как так! Там моя мама! Вы не имеете права прятать её от меня. Уже набираю воздуха, чтобы выпалить всё это, как раздаётся:

– Извините, сейчас молодая хозяйка примет вас.

С тихим щелчком калитка открывается. Я с опаской ступаю на вымощенную камнем дорожку, ведущую к массивной входной двери. Дом Семёновых за эти годы обветшал, стал каким-то приземистым, но по-прежнему выглядит мрачным замком.

Дверь мне открывает девушка – не видела её раньше – в униформе горничной и фартуке. Проходится по мне равнодушным неживым взглядом, машет куда-то вглубь помещения:

– Идите, Людмила Никитична вас ждёт.

Прохожу.

Людка сидит на диване в гостиной и рассматривает свои ногти. Она так раздалась и поширела, что ей не дашь восемнадцати. Громбаба лет тридцати. Яркий макияж лишь добавляет возраста.

Смотрит на меня, как на букашку, ухмыляется.

– Чем мы обязаны визиту такой великосветской особы? – ехидно спрашивает она.

– Ты знаешь, – отвечаю резко, потому что не настроена на дебаты с ней, – я приехала к маме. Где она? Хочу с ней поговорить?

Людка смеётся, отсмеявшись, вытирает слёзы.

– Маме? Не помню, чтобы в этом доме была твоя мама. Если ты имеешь в виду жену моего отца, – она делает бровками, – то, насколько мне не изменяет память, она отказалась от своей сумасшедшей дочурки ещё пять лет назад. И правильно сделала.

– Я хочу поговорить с матерью! – меня начинает бесить эта расфуфыренная тварь.

Людка разводит руками:

– Её здесь нет. Твоей матери. А жена моего отца уехала в клинику на осмотр.

Меня пронзает страх – осмотр! Что с мамой? Кажется, последнее я выпаливаю вслух.

– У неё очень нестабильная психика, – равнодушно-издевательски отвечает Людка. – После того, как её сумасшедшая дочь набросилась на меня, отцу пришлось её немножко... поучить. С тех пор она стала дёрганной. Первое время каждого шороха боялась, вздрагивала, плакала... Отцу пришлось лечить её. Теперь не может без терапии.

Сжимаю кулаки. Что эти твари сделали с моей мамочкой? Она была такой хрупкой, такой слабой, конечно, разве она могла противостоять верзиле вроде Никиты Семёнова и его деток.

Кстати, о детках. В гостиную – в буквальном смысле – выкатывается Тимофей. Этот кусок жира уже не может передвигаться сам. Ездит на специальном кресле. Завидев брата, Людка расплывается в улыбке.

– Тим, – радостно говорит она, – смотри, кто к нам пришёл! – стреляет в мою сторону глазами. – Помнишь, Феню?

Тот кивает, пуская слюни.

– Помнишь, что ты хотел с ней сделать? – она повторяет то похабное движение, которое демонстрировал Тимофей, когда я появилась в этом доме.

Когда ты вырастишь, мой сын трахнет тебя.

Тогда я не понимала, что это значит. Сейчас – понимаю и в панике оглядываюсь, высматривая пути отступления.

Но стоит мне сделать шаг, как Людка ставит подножку, и я лечу прямо под колёса кресла её брата.

– Куда собралась? – говорит она, буквально наседавая на меня. – Веселье только началось! Слышала, у тебя сегодня день рождения. А у Тима есть для тебя леденец! Да, братишка?

Тот кивает и тянется к ширинке, едва находя её под нависшим пузом...

– Сейчас ты, сучка, отсосёшь моему брату! – зло рычит Людка, скручивая меня. Такое впечатление, что все эти годы она качалась – такая сильная. Я не могу вырваться.

Она давит мне на шею, тычет лицом в вонючий пах своего брата.

К горлу подкатывает тошнота, рвусь, брыкаюсь, но она куда сильнее. Ещё и этот debil слюнявый хватает меня за волосы и тянет на себя, пока я не упираюсь губами в вялый жалкий отросток...

– Ну, давай! – Людка больно жмёт шею, Тим дёргает за волосы.

У меня всё немеет от отвращения, ужаса и боли. Отчаяние парализует.

Меня никто не спасёт... Никто не спасёт...

Но за секунду до того, как моё сознание готово сверзиться в спасительную тьму, звучит холодный голос:

– Немедленно отпустите её!

Людка отскакивает, как ошпаренная. Её менее сообразительный брат всё ещё продолжает держать меня за волосы. Но мне удаётся вывернуться и отползти.

И тогда я вижу его.

Моего принца.

Иллариона.

Такого же совершенного, как и пять лет назад.

Снова явившегося подарком судьбы прямиком на мой день рождения...

– 5 –

Как мерзко осознавать, что тот, кем полнится твоё сердце, застаёт тебя в таком положении. На меня словно выливают ведро помоев, буквально ощущаю, как стекает вонючая жижа...

Людка внезапно подчиняется, отпускает меня. А её брат продолжает пускать слюни и совершать непристойные движения жирным тазом.

Старшилов приближается, протягивает руку. Когда наши пальцы соприкасаются, меня будто обжигает. Не знаю, как хватает сил подняться. И наглости бросить на него взгляд. Налюбоваться. Последний раз...

Наверняка, я сейчас пала ниже некуда в его глазах.

Мимолётного взгляда хватает, чтобы задохнуться. Я и забыла уже, как сильно нужно вскидывать голову, чтобы встретиться с сине-фиалковыми глазами. Он изменился – как говорится, возмужал, заматерел. Взгляд подёрнулся корочкой льда – толстой и непроницаемой. От этого жутко. Вряд ли этот Илларион стал бы сочинять мелодии для глупой маленькой девочки. Вряд ли играл бы с ней в четыре руки...

Все эти мысли вихрем проносятся в голове прежде, чем приходит главная: что он делает здесь? Может ли его присутствие означать...

– Феодосия Павловна, сейчас подъедет машина, садитесь в неё и ждите меня. Нам нужно поговорить.

Киваю на автомате, соображая, что это меня так вежливо выпроваживают. Не спорю, бреду к двери. После всего, что случилось, у меня в голове звон, пустота и потеря способности к анализу.

Где-то я читала, что день рождения – это наиболее тяжёлый период для любого человека. Он в такое время максимально уязвим, как истинный новорождённый.

Вот и я сейчас такая. Мало что понимаю. Кое-как добираюсь до ворот, где уже стоит огромная чёрная машина. В ней что-то хищное и опасное. Однако, завидев меня, водитель выбирается и вежливо распахивает передо мной дверь на заднее сидение. Забираюсь без вопросов. Сажусь, зажимаю ладони между колен и уставляюсь в одну точку.

Наверное, я пугаю водителя. Этого верзилу с очень недобрым лицом и страшным шрамом через щёку. Я – его. Он нервно барабанит пальцами по рулю и зачем-то говорит:

– Илларион Валерьевич велел ждать...

Киваю. У меня нет сил на слова.

Илларион появляется вскоре, садится рядом со мной, обдавая запахом сандала и морозной свежести – своего одеколona – и рождая в душе смутное волнение непонятого толка...

– Полагаю, – переходит к сути без обиняков, – у вас много вопросов. И главный из них: что я делаю в доме Семёновых?

Его голос. Раньше он кутал в тёплый бархат, сейчас – звенит сталью. Холодный голос человека, который не знает, что такое эмоции, не ведает слабостей. Я невольно ёжусь, замерзаю, даже обнимаю себя руками, но всё-таки отвечаю:

– Угадали.

– Трогай, – командует он и поднимает перегородку между нами и водительским сидением. Машина плавно начинает движение, а Илларион откидывается на сидение и прикрывает глаза: – Причина моего визита в эту семью – наследие вашего отца. Я не верю в эзотерику и шаманство, но тут готов согласиться с тем, что оно проклято. Никита Семёнов взял часть долгов вашего отца на себя и – вместе с ними пришли проблемы. Сейчас уважаемый бизнесмен на грани разорения, в долгах и с кредиторами на хвосте. От него отвернулись многие партнёры. Странная ситуация.

Усмехаюсь:

– Это не проклятие, это возмездие. Жизнь справедлива.

Илларион бросает на меня слишком пронзительный взгляд – будто вскрывает скальпелем до недр души.

– Он причинил вам боль. Лично. Да?

Не отвечаю, отвожу взгляд. Пустота в голове медленно сменяется паникой и жаром. Станным жаром, который от лица отливает вниз и там тяжелеет. Сердце колотится и захватывается. От мужчины рядом со мной слишком приятно пахнет. Он слишком желанен и запрещен.

Открывает перегородку, просит водителя:

– Притормози у цветочного.

Выбирает не просто магазин – а один из самых дорогих бутиков в городе. Возвращается с нежным букетом. В нём улыбаются анютины глазки и звенят колокольчики – лёгкий, летний, полевой.

– С днём рождения, – говорит просто, протягивая это чудо мне.

Краснею до корней волос. Весь ужас, случившийся недавно, отходит на задний план. Есть только я, он и чудесные цветы. Как раньше была мелодия. Я настолько счастлива, что даже не могу подобрать слов благодарности.

– Теперь не больно?

Мотаю головой. Теперь хорошо. Даже слишком.

Мы ещё полчаса катаемся по городу – Илларион выпрашивает всё, как я жила эти пять лет. Ему есть дело. Я интересую его!

К дому тёти подъезжаю счастливой. Илларион выходит, открывает дверь и любезно целует мне руку, прежде чем отпустить.

Теперь я взрослая.

Уже можно.

Ему – трогать меня. Мне – терять голову и желать.

Впрахиваю на крыльцо, прижимая к сердцу цветы. Лерка встречает меня у входа. И я понимаю, что кузина наблюдала за нами в окно. Краснею, но скорее от удовольствия – меня видели с галантным мужчиной!

– Охренеть! – комментирует Лерка. – Как? КАК! Тебе удалось захомутать его?

Пожимаю плечами:

– Никак. Я просто пришла к Семёновым, а там он.

– Ну да, я несколько раз видела его с Семёновым в клубе. Они проходили сразу наверх, в VIP-зону. Важные и деловые. Знаешь, как акулы над мелкой рыбёшкой. Могут сожрать всех в любой момент, но не сейчас... Блин, да я на него ещё с того твоего дэрэ запала. А сейчас он – ммм... От него так и разит опасностью и тайной. Помнишь, я говорила тебе, – тараторит без умолку, – что моё сердце занято, и ты оценишь мой выбор? Так вот, – тащит меня в гостиную, усаживает на диван, – речь шла как раз о нём, об Илларионе Старшилове. Фень, ты имеешь к нему подход. Ключики. Ты поможешь мне? Ведь поможешь?

Я не успеваю оценить масштаб катастрофы до того, как губы уже шепчут:

– Да.

Разум вопит: «Дура, ой, дура!», но слово уже вылетело, а оно – не воробей.

– Пойду, – встаю с дивана, – надо поставить цветы...

А в голове бьётся: зачем?

Наверное, я насквозь пропиталась благодарностью, так, что она отключает рациональную стерву и эгоистку...

Но главное – что скажет Илларион, если узнает об этой сделке?

Жизнь меня ещё не научила не бросаться пустыми обещаниями, учит Татьяна.

– Ну, ты и дура, Фенька! – чихвостит после моего рассказа. – Люди не вещи, чтобы другие ими распоряжались. А если мужчина не захочет с Леркой твоей быть, ты как его заставлять намерена?

Никак. Я красная вся выслушиваю её нотации – правильные, мозги вправляющие. Моё молчаливое сопение Татьяна понимает как надо и продолжает:

– Лучше делом займись! Ты туда поступать приехала, а не дела сердечные своей кузины решать!

– Так и есть, – соглашаюсь уныло.

На самом деле решать я ничего не собиралась. Потому что Татьяна права – люди не вещи.

– С матерью увиделась? – вопрос вышибает дух.

После того визита я звонила ещё дважды, на городской, но каждый раз девушка-горничная отвечала, что Мирослава Сергеевна занята и не может сейчас подойти. И, мол, как освободиться – сама перезвонит.

Не перезвонила. Ни разу.

Вздыхаю:

– Похоже, я ей не нужна. Она меня забыла и выкинула из сердца.

– Не спеши осуждать мать! – пеняет та, кого за эти пять лет я привыкла считать мамою тоже. – Ты не знаешь всех обстоятельств. Но поверь мне – ни одна мать не может забыть своё дитя. Тем более, из короткого общения с Мирой я поняла, что она тебя очень любит и дорожит тобой. Возможно, люди, которые окружают её, не позволяют вам видеться.

Татьяне удаётся пробиться к моей совести, и мне становится стыдно, что я подумала о маме плохо. Я же прекрасно знаю, кто такие Семёновы и на что они способны. Мне следует быть на её стороне.

– Ты права, – отзываюсь смущённо, – мне нельзя так говорить про маму. Уверена, мы ещё встретимся, и это будет самая тёплая встреча на свете!

Убеждаю себя в этом. Так легче глушить тоску и неверие. Именно потому, что знаю, в какие тиски попала мама, и понимаю, что так просто её не выпустят. Для Семёновых я – главная помеха и враг.

– Ну, всё, давай, – прощается Татьяна. – У меня там читатели некормленные да и проды сами себя не напишут.

Расцеловываемся, и экран гаснет. Видеозвонок закончен.

Татьяна права – я уже два дня в городе, а всё никак не доберусь до приёмной комиссии. Поэтому быстро собираюсь, несколько раз проверяю все необходимые документы и справки. Вроде бы всё. Пора.

Как же волнительно. Я бы хотела, чтобы в этот момент мама была со мной. Ведь когда-то мы мечтали о дне моего поступления и даже планировали его.

Так, не грустить. Не паниковать.

Как же страшно!

Выскакиваю, Светлана выходит из кухни, вытирая измазанные мукой руки передником.

– Куда опять собралась, не евши? – качает головой тётушка.

– Спешу, – приближаюсь, чмокаю в щёку.

– Стой! – командует она. – Я пирожков напекла, из дома не выпущу, если хотя бы несколько штук с собой не возьмешь.

Тётушка собирает мне перекус и буквально на ходу впихивает в сумку. И только после этого я, наконец, могу выскочить на улицу. Устремляюсь в сторону остановки, понимая, что совершенно не знаю, какой маршрут идёт в нужную мне сторону. До сих пор так и не удосужилась посмотреть и поискать.

Достаю смартфон, задаю голосовой поиск, просматриваю результаты, не сразу слышу, как меня окликают:

– Рубанова! Феня! Ты!

Оборачиваюсь – Тамара Михайловна, замдиректора школы искусств. Невольно расплываюсь в улыбке – такой тёплой и домашней кажется мне эта пожилая женщина, округлая, мягкая...

– Я, – говорю робко.

Женщина обнимает меня:

– Наслышана о твоей судьбе, девочка. Досталось тебе!

Мотаю головой – не хочу жалости, она унижает.

– Всё в порядке. Я вот поступать приехала. В консерваторию!

– Правильно! – поддерживает Тамара Михайловна. – Такой талант грешно в землю зарывать! – подхватывает под руку, заглядывает в лицо: – А поехали-ка со мной! Мне сейчас тебе рекомендацию напишем в лучшем виде. Василий Петрович, – это директор школы, подбрасывает память, – с радостью подпишет. Он о тебе часто вспоминал, когда ты уехала. Нам ведь некого стало на конкурсы посылать...

– А Семёнова?

– Шутишь!

Мы забираемся в автобус, садимся рядышком, и я вовсе глаза смотрю на родной, но так изменившийся город. Он кажется мне очень красивым. Самым лучшим на Земле.

Тамара Михайловна понимает и не отвлекает...

... В школе меня встречают, как дорого гостя. Сейчас каникулы, идёт ремонт, пахнет краской, но в кабинетах по-прежнему кипит жизнь – ребята готовятся к конкурсам, фестивалям... И на долю секунды острая зависть к ним пронзает меня. На какой-то миг я малодушно хочу вернуться в детство, когда за руку с папой шла по этим светлым и просторным коридорам, переполненная до краёв музыкой и счастьем.

– Рубанова! – это уже Василий Петрович. Он постарел и поседел, но всё такой же улыбочивый. Тоже раскрывает объятия, хлопает по спине. – Какими судьбами?

– Это я её взяла. Тёпленькой. Прямо на улице, – усмехается Тамара Михайловна.

– Замечательно! – восклицает директор. – Напомните выписать нам премию.

– Нам? – вскидывает брови Тамара Михайловна.

– Да, и мне тоже, – подмигивает он, улыбаясь, затем, приобняв за талию, обращается ко мне: – Фенечка, вы же окажете нам услугу и представите родную школу на областном фестивале исполнителей?

– Но я же... Как... – пытаюсь возразить. – Я же вроде не выпускница даже. Как же быть?

– Это фестиваль памяти Модеста Юрьевича, – поясняет директор, напоминая мне о моём строгом педагоге, который гонял нещадно и говорил, что не готова играть в четыре руки, – любой из его учеников может принять участие...

– А Людмила Семёнова будет? – зачем-то ляпаю я.

Директор и зам синхронно вздыхают, красноречиво отвечая на вопрос. А в меня будто вселяется бес. Он нашёптывает: вот твой шанс взять реванш вообще за всё. Потому что вряд ли её отец, как прежде, орёт на жюри... Несolidно. А значит...

Сердце колотится так, что я едва слышу свой голос, когда отвечаю:

– Согласна, – отрезая себе путь к отступлению.

– 6 –

За суетой, в которую окунаюсь в последующие дни, забываю о маме. Отвлекаюсь от боли. Хочу верить, что Татьяна права и только обстоятельства вынуждают маму не набрать меня, зная, что я в городе, у её родной сестры. Господи, да простого сообщения было бы достаточно! Сообщения, из которого бы следовало, что я всё ещё её дочь. Что тогда она отказалась от меня, потому что так было нужно...

Не выпускаю из рук телефон, а когда слышу звонок или звук SMS, кидаюсь коршуном на аппарат, каждый раз надеясь...

Даже сплю, засунув гаджет под подушку...

Мама... Мамочка... Ну почему так? За что ты наказываешь меня? Мне сейчас так нужна твоя поддержка.

Вон вчера ездила поступать в консерваторию. Рекомендация из школы искусств, конечно, сыграла роль, но и на прослушивании я не облажалась. Члены приёмной комиссии даже аплодировали мне. Я поступила! Сбылась мечта!

Вышла в коридор и начала привычно искать глазами в толпе маму... Там многие были с родителями. Их пришли поддержать. А меня – никто.

Когда сказала тётъ Свете, она скупно похвалила меня:

– Молодец! Мы всегда в тебя верили!

И всё. Ни эмоцией больше. Я – не Лера.

Набрала Татьяну. Вот кто радовался и пищал и прыгал. И даже я смогла улыбнуться вместе с ней.

Подготовка к фестивалю занимает значительную часть моего времени. Тамара Михайловна лично берётся подобрать мне репертуар. А я – помогаю со сценарием. В городе, где осталась Татьяна, я активно сотрудничала с тамошним отделом молодёжной политики, готовила и проводила мероприятия, писала сценарии. Особенно мне нравилось создавать литературно-музыкальные композиции, переплетая поэзию, прозу и мелодии... Вот и сейчас я с удовольствием занимаюсь тем, что люблю... В честь Модеста Юрьевича, который не верил в меня.

Бегу из библиотеки с кипой книг: сборники поэзии, очерки о жизни музыкантов и композиторов, профессиональная литература – всё пойдёт в ход, мысленно уже сочиняю текст будущего фестивального вечера и со всего маху врезаюсь в высоченного мужчину. Как в каменную стену, ей богу. Фолианты летят на пол, и я сама едва ли не следую за ними. Меня ловят и произносят над ухом бархатным голосом:

– Осторожно...

Вскидываю глаза и тону в фиалково-синем взгляде. Сейчас чуть насмешливом.

– И куда вы так торопитесь, Феодосия Павловна? – интересуется поймавший меня мужчина, возвращая в вертикальное положение. – Насколько мне известно, вы давным-давно уже не являетесь ученицей этого заведения, – он обводит рукой помещение, в котором мы находимся.

– А можно мне встречный вопрос? – несмотря на вертикаль, мужские ладони с моей спины не исчезают и жгут через ткань блузки.

Илларион усмехается:

– Попробуйте...

Пробовать сложно, когда меня ведёт от запаха его одеколона, от ощущения силы, – такой рациональной, заботливой, – которой он сейчас будто делится со мной. Не подчиняет, нет. Приглашает принять...

И я наглею и дурею от красоты его нереальных глаз.

– Что вы здесь делаете? – выпаливаю.

– Преследую вас, – отвечает Илларион с коварной улыбкой, наклоняется к уху, щекочет дыханием: – Заметили, я всегда появляюсь в нужное время в нужном месте...

Он сейчас серьёзно? Потому да, заметила? И, если вдуматься, это серьёзный знак. Неприятный...

– Не нужно так напрягаться, – Илларион поддевает мой локон и забрасывает мне за ухо. Так легко, непосредственно, будто имеет право. А меня обливает жаром... – Разумеется, наши встречи случайны, но последнее время эти случайности так часты, что я начинаю видеть в них некую закономерность. Итак, я отвечу на ваш вопрос, если вы обещаете ответить на мой.

– Хорошо, – соглашаюсь, в конце концов, это честно.

– Вам, наверное, сложно поверить, но я тоже был когда-то учеником Модеста Юрьевича. Правда, недолго.

– Недолго? – вскидываю брови, вспоминая его виртуозную игру на моём дне рождения. Наверняка, лукавит и приуменьшает, набивая себе цену.

– Увы, – Илларион разводит руками, убирая их, наконец, с моей спины, и меня словно окунает в холод, даже ёжусь, а он, как ни в чём не бывало, продолжает: – Маэстро счёл меня совершенно бездарным и не стал тратить своё драгоценное время на такую посредственность...

– Вы шутите? – округляю глаза.

Илларион – посредственность? Я, конечно, когда столкнулась с ним впервые, была очень юна и совершенно очарована, но... ведь дело было не только во внешности, – в музыке, которую он написал, в манере игры, такой непринуждённой и лёгкой... Не может быть? Модест Юрьевич, конечно, специфический человек, но пропустить такой бриллиант просто не мог...

– К сожалению, не шутит, – вторгается в наш разговор третий собеседник, Тамара Михайловна. – Я лично утешала маленького Ларика, от которого отказался знаменитый педагог... – замдиректора обнимает Иллариона за пояс, будто по-прежнему хочет поддержать и утешить. – А теперь мы решили, что если приглашаем всех учеников нашего Модеста, то всех. Без исключения! Даже тех, кого он отверг. Так что, Ларик Старшилов, – так смешно даже мысленно называть его так, но не могу удержаться от этого «Ларик», теперь только так и стану именовать, – тоже участвует в нашем фестивале.

– О! Вы будете играть?!

Илларион воздевает руки в протестующем жесте:

– Боже упаси, марать память маэстро моей посредственной игрой. К тому же, я недоучка. Вернее, полный неуч. Так и остался на уровне тех азов, что Модест Юрьевич в меня заложил, – вот теперь точно лукавит! И цену набивает! – Так что я, лишь скромный зритель. А вот вашу игру послушаю с удовольствием. Вы ведь будете играть?

Киваю, прежде чем понять, что только что услышала? Илларион будет в зрительном зале! Мне предстоит играть для него! Это так волнительно, ответственно и... прекрасно.

– Разумеется, буду.

– Тогда я не за что не пропущу этот вечер...

Потом раскланивается и уходит.

А я... мне хочется хохотать и кружиться. И тяжесть последних дней сходит на нет.

Я буду играть для него.

Это ли не счастье?

День фестиваля жду с особым волнением – ведь я увижу маму. Людмила, встретив меня в вестибюле филармонии, куда мы все приезжали на репетицию, сказала презрительно:

– Ты в курсе, что жена моего отца тоже придёт? – и, дождавшись, что я растерялась слишком заметно, добавила: – Чтобы меня поддержать.

– Это мы ещё посмотрим, – буркнула я.

Не станет же мама, в конце концов, отворачиваться от меня, если я окажусь прямо перед ней? Глядя глаза в глаза – не солжешь.

И вот теперь, стоя перед зеркалом в лёгком бледно-розовом платье – вчера выбирала его по видеосвязи с Татьяной (она, увы, сломала ногу и не сможет приехать поддержать). Выгляжу идеально. Наверно... Чёрт. Как же страшно!

Не перед одним выступлением так не волновалась. Потому что рядом всегда был кто-то из взрослых. А теперь – сама взрослая. Татьяна как-то обмолвилась, пребывая в философском настроении, что одиночество – это вообще удел взрослых людей. Наверное, пришла моя пора испытать это на себе. Тётя, дядя и даже Лера благословляют меня в гостиную. Со мной никто не едет – они не большие любители музыки, хотя, когда-то кузине купили рояль. Не такой крутой, как мне, но тоже отличный инструмент. Я имела возможность репетировать на нём.

– Сделай там всех! – напутствует Лерка. – Особенно, Семёнову эту, сучку.

Улыбаюсь, но натянуто и вымучено. Я бы хотела, чтобы сестра поехала сегодня со мной. И у меня даже была возможность её заманить – достало бы и намёка, что в зале будет кое-кто интересный ей. Но я малодушно промолчала. Иллариона оставляла себе как последнюю соломинку, как спасательный круг. Хотя и не уверена совсем, что он захочет меня поддержать. Зачем ему?

К зданию филармонии подъезжаю в раздрае. Коротко здороваюсь с другими участниками и их наставниками, что встречаются на ступенях. С завистью замечаю, что многих сопровождают родственники и друзья. Беру себя в руки – не думать, не сейчас... А то расстроюсь, собоюсь, запортачу всё на радость сопернице.

Вбегаю в просторный холл и... столбенею, наткнувшись на её взгляд – растерянный сейчас, но такой родной, такой тёплый...

Мама... Мамочка... Мамуля...

За эти пять лет она стала ещё красивее, как мне кажется. Впрочем, она всегда была самой красивой. Самой любимой. Даже в те моменты, когда я очень злилась на неё. Но сейчас... сейчас я прощаю всё-всё и кидаюсь к ней, раскрыв объятия...

Мама тоже робко шагает навстречу, и тут звучит окрик:

– Мирослава!

Мама вздрагивает, испуганно оборачивается – сзади стоит Людка, её пухлое лицо сейчас перекошено от злобы.

– Мирослава, – рявкает она, словно перед ней не взрослая женщина, а девочка на побегушках, – мы уходим! Эти снобы отказали мне в участии!

Мама мотает головой:

– Иди, Людочка, – говорит робко, будто заискивает, – я позже. Останусь с...

– Ты, кажется, забыла уговор, *мамуля*? – ехидно произносит Людка, и мама вдруг снижает, словно становится меньше, во взгляде промелькивает затравленность...

Одними губами она шепчет:

– Прости, – и, низко склонив голову, не глядя по сторонам, спешит к двери.

– Мама! Мамуля! Стой! – кидаюсь следом, но путь мне заступает широкая фигура Людки.

– Она не будет с тобой разговаривать, – ехидничает, – потому что тогда мой отец накажет её. А она очень-очень боится наказаний. Папа не щадит её... Последний раз, когда разозлился, заставил её отсос...

– Заткнись! – не выдерживаю я. – Замолкни! Однажды и ты, и твоя семейка – вы заплатите за то, что сделали с ней! – задыхаюсь. – Проклинаю тебя, дура, уродина, стерва!

У меня падает пелена, и как тогда, когда она разорвала ноты Иллариона, я кидаюсь на неё, валю на пол и начинаю колошматить головой о мраморные плиты, которыми устлан холл филармонии...

На глазах у интеллигентной публики, собравшейся слушать классику...

Мне что-то кричат...

Куда-то показывают...

Но я ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не желаю знать...

Сильные руки рывком дёргают вверх. Бархатный строгий голос над ухом приказывает:

– Успокойся! – но я по-прежнему вою и рвусь, вижу, как утаскивают Людку, и бешусь, что меня держат.

– Пустите! Немедленно пустите! Я убью её!

Но вместо свободы – получаю струю холодной воды в лицо. Отфыркиваюсь, брыкаюсь...

Меня куда-то бесцеремонно уводят, а точнее – почти несут, поскольку я вишу на своём спутнике и перебираю ногами. Кто-то противно гундит над ухом... Когда возвращаюсь в более-менее осмысленное состояние, понимаю – Тамара Михайловна.

– Но и учудила ты, Рубанова, – пеняет мне, но не зло, а скорее устало. – От Семёновых и так проблем не оберёшься, а теперь ещё и это... – Меня заталкивают в какую-то комнату. Тамара Михайловна просит: – Ларик, побудь с ней, а я попробую что-нибудь сделать... с участием...

Замдиректора школы искусств покидает нас, а я – сникаю, как проколотый шарик. Опускаюсь на кушетку у зеркала, закрываю глаза руками и буквально выстываю:

– Зачем...

Илларион садится рядом, перехватывает мои запястья, отводит руки в стороны, заглядывает в лицо.

– Затем, – говорит строго, – что обязательства нужно выполнять. Раз ввязалась в фестиваль – будь добра выйти и сыграть...

Высвобождаю свои руки, подношу к его лицу дрожащие ладони:

– Как? – едва хриплю. Голос весь растрочен на крики и отчаяние. – Меня всю трясёт! Что это будет за игра?

– Нормальная будет игра, – уверенно произносит мужчина, будто речь идёт о нём – не обо мне. – На радость слушателям. Виртуозная.

Усмехаюсь ранено и жалко.

– Не выйдет... – мотаю головой, – я не смогу.

– Сможешь! – резко отвечает он. – Сейчас мы тебя переключим.

Притягивает к себе, вновь перехватывая запястье, когда я вскидываю руку в попытке то ли оттолкнуть, то ли удержать, наклоняется и касается моих губ – жарко, жадно, словно только и мечтал об этом. Невольно открываю рот, чтобы возмутиться, но мне не позволяют этого сделать – его язык врывается завоевателем, вовлекает мой в дикий танец страсти. Движения жёсткие, ритмичные, почти злые... Свободной рукой я хватаюсь за лацканы мужского пиджака, пытаюсь удержаться в этой реальности... потому что... этот сумасшедший поцелуй – мой первый в жизни. И я так мечтала, чтобы он случился именно с этим мужчиной, что сейчас схожу с ума от эйфории и счастья...

С трудом оторвавшись от меня, Илларион, тяжело дыша, упирается лбом в мой лоб.

– Охренительно! – выдаёт он. Странно, но эта грубость окрыляет меня пуще, чем тысяча комплиментов. – Ты ещё слаще, чем я думал. Представляю, какая ты там... – ладонь ложится мне на колено и бесцеремонно ползёт вверх, задирает подол моего нарядного платья, которое сейчас измято и испорчено... Но мне плевать сейчас на всё, потому что *там*, куда пробирается его рука, уже жарко и мокро, и ждёт, изнывая...

Когда он касается меня через тонкую ткань трусиков, с губ невольно слетает стон...

– Ах...

– Лар, – шепчет он мне на ухо, – хочу услышать, как ты стонешь моё имя, когда кончаешь...

Его пальцы творят беспредел там внизу. Он обнимает меня и кусает, посасывает мочку уха, я быюсь, трепещу в его объятиях, мне не хватает воздуха, не хватает твёрдой почвы, осознанности... Кажется, отпусти он – и рухну в бездну...

– Только вместе, – будто считывает мои мысли этот демон-искуситель, покрывая горячими поцелуями мою шею и плечи, сжимая грудь через платье и лифчик... – Хочешь?

– Вместе... – повторяю, едва понимая, о чём идёт речь...

– Да, – подтверждает он, – в четыре руки. Помнишь? Как на твой день рождения. Сыграешь со мной?

Останавливает поцелуи и ласки, подхватывает моё лицо за подбородок, ловит затуманенный взор...

– Вы... – мужские брови недовольно сходятся к переносице, и я тут же поправляюсь: – ты... Лар... ты хочешь сыграть со мной?

– А ты со мной? – смотрит пристально, ждёт ответа. Нереальные фиалковые глаза похожи на омуты.

– Хочу, – отвечаю сразу на всё, потому что хочу всё. С ним. Дойти до края и пасть за него.

– Тогда идём, – встаёт, протягивает мне руку, и я, ничуть не сомневаясь, вкладываю в неё свою.

Так мы и идём коридорами, мимо каких-то людей, из-за кулисы – на сцену, где в свете прожекторов дремлет ещё никем не потревоженный белый рояль...

– 7 –

Чувство зала.

Оно особенное. Ты не видишь лиц, не видишь даже силуэтов. Зал – это тёмное пятно. Но оно – тысячеоко. Ты чувствуешь взгляды кожей, ощущаешь, словно касания... Напряжённые, ждущие, требовательные... Сотни пар глаз, которые устремлены на тебя из темноты. Если думать о них – можно сойти с ума. Поэтому, когда садишься к инструменту, закрываешь глаза. Так легче сосредоточиться, не отвлекаться ни на что, погрузится в музыку до предела. Как при поцелуе. За тем же. Теперь я это знаю...

... пока мы бежим по коридору, Лар расписывает план действий:

– Я буду играть заглавную партию, ты – подыгрывать.

Мотаю головой:

– Ты же не знаешь репертуар...

– Так озвучь...

– Рахманинов, Моцарт, Бетховен, – перечисляю на ходу: сначала композиторов, потом – произведения.

– Отлично, справимся, – уверено произносит Лар, продолжая увлекать меня за собой. – Я вступаю, ты подхватываешь. Понятно?

– Ага, – бормочу.

Он резко тормозит, я почти врезаюсь в него. Лар поддевает подбородок пальцами, заглядывает мне в лицо:

– Доверься мне, – шепчет, наклоняется и целует – легко, нежно, заставляя крылья распахнуться за спиной.

– Всегда, – отзываюсь неосознанно, – вместе...

Он сжимает мою ладонь, и мы синхронно, шаг в шаг, выходим на сцену. Огромный белый рояль дремлет. Сейчас он похож на сонного хищника, но совсем скоро проснётся, и тогда его надо кормить и кормить музыкой. Иначе ты будешь сожран, погребён...

Рояли безжалостны. Вы не знали?

Конферансье спешено выбегает из-за наших спин, кланяется, натягивает на лицо улыбку.

– Уважаемая публика, – говорит, как ни в чём не бывало, хотя минуту назад слал кары небесные на наши головы, но Тамара Михайловна отбила атаки, – у нас небольшие изменения. Вместо Феодосии Рубановой для вас выступит дуэт – Илларион Старшилов и Феодосия Рубанова.

Вот теперь мы имеем право выйти, поклониться и пройти к роялю, у которого, незамеченный нами, как по волшебству, появился второй табурет...

А дальше...

О, это была магия, полёт, секс...

Вы знали, что мелодии по большей части очень чувственны? И если уловишь это – можно кончить. Как я... на последних аккордах...

Мне было хорошо. Так хорошо, словно музыка смыла с моей души и совести всё то отвратительное и гадкое, что марало их до сих пор. Очистила, вознесла. И я была благодарна музыке и Лару...

Тамара Михайловна перехватывает нас за кулисами:

– Великолепно! – не произносит, а буквально пропевает она. – А как сыгрались! Признавайтесь, репетировали дома? – переводит взгляд с одного на другого.

Лар пожимает плечами:

– Да нет, чистая импровизация...

– Ларик! Да ты что? – всплёскивает руками почтенная женщина. – Это же гениально. А сейчас оповещу судей.

Илларион морщится:

– Давайте без этого. Нам не нужна никакая победа, дипломы, пусть уйдут тем, кому надо...

Тамара Михайловна хватается ртом воздух:

– И тебе, Феня?

– И мне, – киваю, глядя на Лару, который беззастенчиво обнимает меня за талию. – Я вообще участвовала только в память о маэстро.

– Так и есть, – подтверждает Илларион, раскланивается, целует руку заместительнице директора и переходит на заговорщицкий шёпот: – А теперь я уворю у вас участницу. Дальше как-нибудь без нас.

И Тамара Михайловна позволяет, благословляя.

Его чудесные глаза сияют, когда он уводит меня прочь. Похищает. И я счастлива быть похищенной.

– Куда ты меня ведёшь? – всё же решаюсь спросить, когда мы выскальзываем из здания филармонии через чёрный ход.

– Я ведь тебе так и не подарил ничего стоящего на день рождения, – говорит загадочно. Хочу напомнить, что однажды он подарил мне чудесную мелодию, а сегодня – крылья.

Но Лар не даёт – притягивает к себе, целует в макушку и улыбается таинственно:

– Ты будешь не против, если я положу к твоим ногам город?

У Лара – спорткар: красивый, хищный, сексуальный, как и он сам. Не красный – это было бы вульгарно, а Лар и вульгарность – из разных вселенных. Автомобиль лиловый. Салон обит светлой кожей. Тут всего два сидения – водительское и пассажирское...

Мы летим на этом болиде напрямиком в сгущающиеся сумерки. Но если бы Илларион увозил меня в ад, я бы ликовала не меньше. А сейчас меня просто распирает от счастья. Хочется высунуться в окно и орать от восторга. И наплевать на маму, которая плюёт на меня, на всю семейку Семёновых, на всю гадость и грязь мира. Их нет. Есть только я с самым красивым мужчиной на земле, который увозит меня в приближающуюся ночь...

Мы паркуемся возле одного из самых высоких зданий нашего города. В таких домах есть консьержи и целый взвод охраны. Но им хватает кивка моего спутника, чтобы нас пропустили.

Лар ведёт меня за собой, сжимая ладонь. В его глазах пляшут бесенята, а красивые губы кривит коварная ухмылка. Сейчас он похож на демона, на очень обольстительного демона. Такому, не задумываясь, подпишешь контракт на душу.

Особенно, оказавшись с ним один на один в лифте. Шикарном надо сказать – огромном, просторном. Целая комната, а не коробка для подъёма наверх. Но она внезапно становится маленькой. Схлопывается. Когда меня ловят, вжимают в стену и пожирают в поцелуе...

Я беззащитна, полностью в его власти и млею от этого. От сильных рук на своём теле, горячих губ на коже, грязных словечек на ухо...

– Ты была охренительна сегодня... Кончишь для меня?... Подо мной?... Со мной... – срывающимся шёпотом, между поцелуями, которые точно оставят следы на моей чересчур тонкой коже. – Хочу...

– Хочу... – выдыхаю ему в губы, плавлюсь, растекаюсь, лечу.

Женщина чувствует, когда она желанна, когда она особенная для мужчины. Такого мужчины, от которого кругом голова...

Отдаваясь в его власть, я не боюсь. Точно знаю – ничего плохого он мне не сделает. Не может быть плохим тот, кто так сладко целует, так жарко шепчет непристойности...

Лифт медленно бежит к последнему этажу, и Лар, нехотно отстраняясь, хрипло произносит:

– Я завяжу тебе глаза.

Киваю. Он может делать со мной всё, что угодно. Я – послушный инструмент в его руках...

Его марионетка.

А он – мой кукловод.

Илларион переворачивает меня спиной к себе, осторожно отводит волосы, целуя в шею. Потом я ощущаю, как шёлковый платок скользит по моей коже. Повязка ложится мне на глаза. Лар затуживает узел.

– Не больно? – интересуется заботливо.

Мотаю головой:

– Нет, всё нормально...

Хотя, конечно, страшно. Утратив зрение, я вся обращаюсь в слух, в ощущения.

Лифт останавливается, двери разъезжаются. Меня подхватывают на руки. Куда-то несут. Я молчу, уткнувшись в плечо Лара, вдыхая аромат его парфюма – дерзкий и терпкий, но при этом – с нотками фиалки. Жарко дышу ему в шею и ощущаю, – уж не знаю, каким чувством – мужчина улыбается...

Он умудряется открыть дверь, не выпуская меня из рук. Вечерняя прохлада заставляет слегка поёжиться. Она ярко контрастирует с жаром наших тел. И будоражит, возбуждает, мои соски сжимаются под тонкой тканью платья, превращаясь в твёрдые горошины.

Илларион медленно опускает меня, но развязывает глаза не сразу. Сначала играет, дразнит, скользит лишь кончиками пальцев по разгорячённой коже...

– Волнуешься? – шепчет на ухо, щекоча дыханием.

– Немного... – улыбаюсь я.

– Тогда смотри, – повязка падает, и у моих ног – в буквальном смысле, потому что виден отсюда, с крыши, как на ладони, – лежит мой родной город. Такой манящий, украшенный созвездиями огней, живой и пульсирующий. Огромный и до боли близкий...

Город, где, – верится мне – исполнятся любые, даже самые заветные желания. Город, в котором я стану женщиной самого лучшего на земле мужчины... Как в песне: «Город-сказка, город-мечта...» Подаренный в этот вечер мне... Ставший по-настоящему моим.

Поворачиваюсь и шепчу, задыхаясь от восторга:

– Спасибо!

– Не торопись, – говорит Лар, – вечер только начинается...

Я и не собираюсь торопиться, намереваюсь смаковать каждый момент, каждую секунду этого чуда... Ничего не пропущу. Я сегодня жадная до впечатлений и ласк.

– Прошу, – произносит Илларион, кланяясь и указывая рукой куда-то в сторону. И вдруг, как по волшебству, загораются фонари, и я вижу накрытый на двоих столик, – поужинай со мной?

Странно, что он ждёт ответа. Ведь когда собственнически нёс сюда – не очень-то интересовался моим мнением. А теперь...

– Да...

Зачем интересоваться, он и так знал. Эмоции выплёскивались из меня и, наверняка, захлёстывали и его.

Лар протягивает ладонь, я вкладываю в неё пальцы. Их тут же осыпают поцелуями.

Мужчина ведёт меня к столу, отодвигает стул, помогает сесть.

Моё сердце от волнения колотится так громко, что я пропускаю часть слов, обращённых ко мне. Ловлю лишь последние:

– Как тебе это удалось? – он смотрит пристально, подпирает голову рукой, словно она – тяжела и рухнет без опоры.

– Что? – не сразу понимаю я, комкаю салфетку от волнения, кусаю губы.

– Свести меня с ума... – он говорит это с совершенно серьёзным выражением лица, строго, чеканя. Так, что не остаётся сомнений в правдивости сказанного. – Заставить потерять голову... Меня... – протягивает руку, сжимает мои пальцы, прищуривается: – И знаешь, будь я хорошим, я бы сказал: «Беги, девочка! Беги без оглядки!», но я гад. Тебе не страшно?

– Нет, ни капельки.

Мне смешно. Я видела, как ведут себя гады, от которых нужно бежать: Никита Семенов продемонстрировал мне это на примере моей мамы. А Лар... С ним хочется сбрендить, сгореть, разлететься пеплом...

– Я тоже гадина, если верить некоторым...

– Вовсе нет, – Илларион мотает головой, и лунный свет, запутавшись в его густых волосах, подкрашивает их эльфийским серебром, делая мужчину, что сидит напротив меня, ещё более нереальным, – ты – ангел, – произносит серьёзно и грустно, сжимает мои пальцы, наклоняется и целует их, – посланный мне для искупления... Только вот, – наклоняется ближе, тон становится коварнее, – я ничего не намерен искупать. Наоборот, собираюсь примять пушок ангельских крылышек, растлить невинность...

О, знал бы ты, как невинность хочет быть растлѐнной.

– Растлевай, – даю карт-бланш, улыбаясь от души.

Я – его, слишком давно его. Другого в моей жизни и в моём сердце не будет. Нельзя так любить, я знаю, но люблю. До краёв. Переполнена им.

– Смелая, – улыбается хищно. – Выпьём? – берёт бутылку, что томила до этого в ведёрке со льдом.

Набираю воздуха для признания:

– Это будет первый раз, когда я попробую алкоголь. Будь со мной нежным.

И прыскаю в конце фразы.

Красивые брови взлетают вверх:

– Оу! Всё настолько невинно?

Киваю, жутко краснея, прячу лицо за руками.

Лар ставит бутылку, отводит мои ладони и заглядывает в лицо – серьёзно и как-то даже грустно:

– Тот поцелуй, в гримѐрной, тоже был первым?

Киваю, говорить нет сил – внезапно накатывает смущение, и вся давешняя смелость испаряется, растворяется в прах.

– Чѐрт! – Лар лихорадочно ерошит свои волосы. – Я не верю – такая нереально красивая девушка... Сладкая, как сам грех... Да мальчишки должны были штабелями падать к твоим ногам!

Пожимаю плечами, ёжась. Становится холодно от того, что он не рад моей невинности.

– Может и падали, – говорю, глядя перед собой, рассматривая узоры на скатерти, – меня это не интересовало.

– Почему? – он безжалостен, он собирается вывернуть меня наизнанку, добраться до сокровенного. Что ж. Пусть. В конце концов, это всё и так для него.

Вскидываю взгляд, сталкиваюсь с его – взволнованным, горячим, странным.

– Глупый, – усмехаюсь, чувствуя себя сейчас на тысячелетие старше, – какой же ты глупый, демон. Потому что с тринадцати лет для меня никого не существовало. Только ты. Никто не имел права коснуться того, что принадлежит тебе, осквернить меня, забрать твоё право на первый поцелуй, первый алкоголь, первый раз...

– Стоп! – он вскидывает ладонь, прерывая меня. И я задыхаюсь, захлёбываюсь недосказанным откровением. – Ты хоть понимаешь, что творишь сейчас, маленькая дурочка? – Мотаю

головой: не понимаю и не хочу понимать это со взрослого рационального ракурса: – Ты открываешься передо мной, полностью веряешь себя, признаешься в таком...

– Разве это плохо? – в горле образуется колючий ком, глаза щиплет, и ослепительное счастье внезапно гаснет, тускнеет, меркнет...

– Это хорошо, – произносит он, и голос звенит, срывается, дрожит. – Слишком хорошо, Фенечка. Слишком много для меня. А я, видимо, ещё не настолько гад, чтобы... Чёрт, прости... – он прерывается и вдруг встаёт: – или настолько... потому что намерен испортить твой вечер.

– В смысле? – не понимаю я.

– Мы едем домой, – чеканит он. – Вернее, я отвезу тебя...

– Лар... пожалуйста...

Я не хочу. Не так. Ведь сегодня я должна была стать его... Познать... Принадлежать...

Но меня не спрашивают – меня дёргают вверх. На секунду я застываю в его объятиях. А он прижимает меня к себе так отчаянно нежно, будто запоминания, будто... прощаясь...

Потом подхватывает на руки и несёт назад, но уже не завязывая глаза...

В лифте мы стоим по разным углам, и я стараюсь смотреть только на его начищенные до блеска туфли. Не поднимаю глаз. У меня противно дрожат и холодеют руки.

Я не понимаю происходящего.

В машине мы напряжённо молчим. Он ведёт, я смотрю за окно, где промелькивает, будто пытаюсь догнать и сказать что-то важное, брошенный недавно к моим ногам город...

Ненужный мне сейчас.

Единственное, что мне нужно – это знать ответ: что происходит? Почему Лар поменял планы?

Мы останавливаемся возле дома моей тёти, и тогда Илларион наконец произносит:

– Мы нужно будет решить кое-какие дела... – голос звучит потеряно и виновато, – мы не сможем видаться какое-то время, – внутри всё обрывается и летит в пропасть отчаяния, – но потом я вернусь за тобой, – и тут же взмывает ввысь. – Ты будешь меня ждать?

Он ждёт моей ответ, хотя и знает его наперёд:

– Да.

Тогда я не знала, что ждать придётся долгих четыре года...

– 8 –

*Четыре года спустя,
за полгода до событий пролога*

В методкабинете пусто – сегодня короткий день, все ушли домой ещё в четыре. И теперь здесь безраздельно царим я и громадная монстера – любимая «девочка» нашего главного методиста. Порой, когда я смотрю на то, как Эмма Анатольевна воркует с растениями, мне кажется, что она и впрямь знает какую-то магию. Иначе как бы из полудохлого кустика, который принесли сюда год назад, вырос настоящий тропический монстр.

Усмехаюсь своим мыслям, откидываюсь в кресле, разминая затёкшие руки... Кто там говорит, что офисная работа лёгкая?

Умм...

Старинные ходики на стене мирно тикают, тихонько гудит деловитый компьютер, но в целом покой не нарушается ничем. Обожаю поработать в тишине, когда никто не отвлекает. В квартире такой роскоши у меня нет. Хотя, какая там квартира – комнатёнка в малосемейке. Нашу общагу в городе иначе как «Скирдой» не называют. Каждый выборы новый кандидат в мэры обещает снести «это пятно с лица города», а «Скирда» и ныне там. Потому что, чтобы снести, нужно расселить жильцов. А это – сложно. В общем, работать лучше здесь, одной, в тишине. Потому что в общаге всегда ор, ругань, громкая музыка, смех.

За минувшие четыре года я научилась жить невидимкой. А по-другому в общаге нельзя. Чем меньше тебя видят и знают – тем меньше проблем у тебя в итоге. Поэтому я хожу в безразмерных балахонах, впрочем, очень уютных, стараюсь приходить домой затемно, а уходить рано утром. На работе всегда – самая первая.

Это мне ещё повезло – у меня вполне, по меркам «Скирды», фешенебельная комната. Даже санузел – пусть и совсем крошечный, но оснащённый всем необходимым, – таки есть свой. Не знаю, чтобы делала, если бы пришлось пользоваться общими удобствами. С моей-то брезгливостью. И если бы предыдущий хозяин не догадался поставить бойлер и отличные фильтры на воду, потому что с горячей водой да и вообще с качеством оной в общаге швах. А так у меня двадцать семь квадратов личного пространства. Где мне даже удалось создать уют и красоту. Хвала «Икеи» с её демонстрационными комнатами-«шкафчиками» и выгодной рассрочкой. Но... наслаждаться личным уголком я могу лишь несколько часов в день, проскользнув туда мышкой. По той же причине я не смогла завести кота. Несчастное животное бы страдало в небольшом замкнутом пространстве и раздражало бы соседей своим криком. Нене, мне чужих хватает. А для някости – смотрю видосики с Басиком, которыми меня регулярно снабжает Татьяна. Бас стареет и болеет всё чаще, но по-прежнему не сдаёт позиций и держит хвост трубой...

Так, опять растеклась мысью по древу, у меня вообще-то фестиваль юных исполнителей на носу. И снова нужно переделывать сценарий... Включаю тихую музыку, делаю себе чай – так лучше работается. За эти четыре года, с тех пор, как я съехала от тёти, полюбила одиночество и тишину. Иногда и они роскошь.

Переписываю вступительную часть и опять с рычанием стираю. Не то! Слишком пафосно. Не трогает. Слова-слова, ну где же вы?

В методотдел детской школы искусств меня пристроила Тамара Михайловна. Увидела однажды раздающей флаера на улице и пригласила. А с комнатой в общаге помогла уже Эмма Анатольевна – у неё оказалось знакомых полгорода, один как раз съезжал из общаги в собственную студию. До этого я вынуждена была снимать комнатку у бабульки, мы там жили втроём. Девочки-соседки учились на менеджеров, так – спустя рукава. Даже уроки готовить нормально было невозможно. Это теперь у меня в распоряжении любой инструмент – играй не хочу. И

пусть я попала на довольно престижную должность по блату, как принято говорить, но работаю в полную силу, потому что люблю то, что приходится делать. Хотя платят лишь полставки, одной нетребовательной мне вполне хватает. Потому что количество удобств перекрывает все недостатки... Правда, времени на личную жизнь совсем не остаётся – ведь кроме работы есть ещё и учёба, и всё это как-то удаётся совмещать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.